

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Очерки истории

Харьков

2009

ББК 87 я 1

К 37

**Коммунистическое движение. Очерки истории / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.М. Бандурки. – Харьков: Изд-во Национального университета внутренних дел, 2009. – 744 с.
ISDN 966-610-130-0**

Авторский коллектив:

д-р юрид. наук, проф. Ярмыш А.Н. (руководитель авторского коллектива, глава III, & 1 2);

д-р ист. наук, проф. Греченко В.А. (заместитель руководителя, глава III, &1, 2);

д-р ист. наук, проф. Осадчий Ю.Г. (глава 1, &1);

канд. ист. наук, доц. Савченко В.А. (глава 1, & 2, 3);

канд. ист. наук, доц. Логвиненко И. (глава 1, & 4);

канд. ист. наук, доц. Древаль Ю.Д. (глава II, & 3, 4, 5);

канд. соц. наук, доц. Кобзин Д.А. (глава III, & 3).

Глава 1

Возникновение марксизма и начало коммунистического движения

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Марксизм как революционная идеология пролетариата явился закономерным порождением всемирной истории и одновременно отражением потребности дальнейшего безграничного развития человечества. Возникновение нового мировоззрения определяется объективными историческими условиями двоякого рода: во-первых, материально – экономическими и социально – политическими предпосылками и, во-вторых, идейно – теоретическими источниками.

Марксизм возникает на том этапе всемирной истории, когда достигла уже значительных успехов крупная фабричная промышленность, ясно обнаружилась глубокие противоречия капиталистического общества, сложился и вырос новый общественный класс – промышленный пролетариат. Как всякая новая теория, марксизм должен был исходить из выработанного и накопленного до него идейного материала. Он выступил прямым продолжением главных линий развития философии, политической экономии, социалистических и коммунистических идей. Основными теоретическими источниками марксизма явились высшие достижения философской, экономической, социалистической и коммунистической мысли второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. Кроме того, при разработке марксистской философии были обобщены важнейшие достижения естествознания и исторической науки XIX в. Критическое осмысление итогов предшествующего духовного прогресса, осуществленное К. Марксом и Ф. Энгельсом под углом зрения объективных

потребностей классовой борьбы пролетариата, привело к созданию марксизма как принципиально нового целостного мировоззрения.

***Формирование
промышленного
пролетариата***

Возникновение марксизма увенчало длительный, многотрудный поиск путей разрешения социально – классовых антагонизмов, получивших наиболее крайние формы своего выражения с утверждением капиталистического способа производства и зарождением пролетариата.

На протяжении XVI – XVIII вв. происходило постепенное разложение феодализма, в его недрах формировались и крепились капиталистические отношения. Они начали складываться сначала в промышленности в виде мануфактур, а затем и в сельском хозяйстве. Одновременно зарождались и новые классы: буржуазия и пролетариат.

Богатые бюргеры, владельцы ремесленных мастерских и мануфактур, купцы, отдельные дворяне, сосредоточив в своих руках средства производства, переходили на капиталистические формы хозяйствования. Массы трудящихся, лишенные средства к существованию, вынуждены были продавать свою рабочую силу капиталистам. Армия наемных рабочих формировалась за счет учеников и подмастерьев ремесленных цехов, разорявшихся кустарей, но главным образом за счет насильственно экспроприированных, согнанных с земли крестьян. «История этой...экспроприации, – указывал К. Маркс, – вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня» [1].

Мануфактурные рабочие были малочисленны, неорганизованны, рассеяны по мелким мастерским и в большинстве своем тесно связаны с деревней. Они еще не представляли собой сложившегося самостоятельного класса. Это был предпролетариат – предшественник промышленного рабочего класса.

Буржуазные революции в Англии (середина XVII в.), во Франции (конец XVIII в.) и других странах ускорили развитие капитализма и формирование новых основных классов общества. За буржуазными революциями последовала промышленная революция.

Развернувшаяся в последней трети XVIII в. в Англии, а несколько позднее – в континентальных странах Европы и в Северной Америке, промышленная революция была заключительным этапом формирования капиталистических отношений. Она представляла собой синтез глубоких прогрессивных по своему историческому значению технико – экономических сдвигов и радикальной ломки прежней социально – экономической структуры. Технические изобретения, множество которых было внедрено в практику в последней трети XVIII – первой половине XIX в. (техническая революция), составляли исходный пункт промышленной революции, ее основу. Благодаря им произошло коренное преобразование производства. Производственные процессы, осуществлявшиеся ранее вручную, были переданы рабочей машине [2]. В результате технической революции капиталистический общественный строй обрел возможность опереться на фундамент машинной техники, иначе говоря, была создана адекватная капитализму материально – техническая база.

Однако вытеснение ремесленных орудий машинами, ручного труда механизированным производством означало не только огромный шаг вперед в развитии производительных сил. Промышленная революция была качественно принципиально новой фазой капиталистического производства в целом, а именно переходом от мануфактуры к фабрике. «Машины, – писал К. Маркс, – уничтожают кооперацию, основанную на ремесле, и мануфактуру, основанную на разделении труда, сохраняющего ремесленный характер» [3]. «Пар и новые рабочие машины, – указывал Ф. Энгельс, – превратили мануфактуру в современную крупную промышленность и тем самым революционизировали всю основу буржуазного общества» [4].

Кардинальное изменение технологии и организации производства, расширение и утверждение фабричной системы привели к возникновению совершенно новой категории непосредственных производителей – промышленного, в первую очередь фабрично – заводского пролетариата. Он был, по

мысли Ф. Энгельса, «самым важным детищем... промышленного переворота» [5].

Промышленный пролетариат по своему социально – экономическому статусу и облику существенно отличался от наемных рабочих мануфактурного периода. Последние представляли собой сравнительно малочисленную и социально неустойчивую группу. Это особенно относится к рабочим домашней промышленности. Их существование находило себе опору в известных элементах экономической самостоятельности, обеспечивавшейся участком земли, подсобным хозяйством, орудиями труда.

В эпоху промышленного переворота происходит полный отрыв непосредственных производителей от средств производства. Бывшие ранее относительно самостоятельными мелкие производители огромными массами выталкиваются в ряды наемных рабочих. Они уже навсегда утрачивают возможность вновь обрести свой прежний статус, сделаться собственниками средств производства, поскольку «их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий» [6]. Перед тем, кто родился наемным рабочим вырисовывается лишь одна перспектива – остаться им на всю жизнь. Единственным достоянием пролетариев является отныне их рабочая сила. Они могут жить, только продавая ее капиталистам. «Крупная промышленность, – писал Ф. Энгельс, – вырывает мануфактурного рабочего из его патриархальных условий; он теряет последнее имущество, каким еще обладал, и только тогда превращается в силу этого в пролетария» [7]. Гигантское развитие капиталистического производства увековечило существование класса наемных рабочих. Таким образом, наемные рабочие составляют с этого времени обширный, и притом стабильный, социальный слой, занимающий ясно обозначенное место в системе производства.

В отличие от пролетариата мануфактурного периода промышленный пролетариат выступает как концентрированная общественная группа. Орудием ее концентрации становится сама крупнокапиталистическая промышленность – фабрика, завод, шахта и т. д. Капитал, по определению К. Маркса,

«пространственно концентрирует» огромные массы наемных рабочих, «которыми он командует непосредственно» [8]. Вместе с тем фабрика ставит рабочих в принципиально одинаковые условия труда и существования, и это также отличает промышленный пролетариат от наемных рабочих мануфактурного периода, положение которых характеризовалось крайним разнообразием и пестротой.

Образование промышленного пролетариата, будучи объективным социально – экономическим процессом, вместе с тем имело свои субъективные признаки. Они выражались в осознании общности интересов его различных групп и противоположности этих интересов интересам господствующих классов, в складывании и упрочении соответствующих форм экономической, а затем и политической организации рабочих, короче, в том, что «рабочие начинают чувствовать себя – в своей совокупности – как класс...» [9].

Социальными источниками формировавшегося пролетариата служили те раннепролетарские и мелкособственнические слои города и деревни, положение которых резко пошатнулось в результате внедрения фабричной системы и развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Прежде всего распространение машин затрагивало ремесленников, ремесленных подмастерьев, работников домашней промышленности, рабочих централизованных мануфактур. Ремесло и мануфактура, будучи не в состоянии конкурировать с машинным производством, приходили в упадок. Механическая прялка заменила и сделала ненужным ручного прядильщика, механический ткацкий станок – ручного ткача и т. д. Ремесленники и кустари-надомники под давлением нарастающей конкуренции механизированных предприятий утрачивали свои мастерские с их несложным инвентарем и в конечном итоге превращались в фабричных рабочих. Аналогичная участь постигала ремесленных подмастерьев и мануфактурных рабочих. Производители ремесленного типа служили обычно источником формирования более или менее квалифицированных групп, т.е. относительно небольшой прослойки складывавшегося фабрично – заводского пролетариата.

Преобладающая же масса фабрично – заводских рабочих вербовалась из сельских жителей – хлебопашцев и деревенских ремесленников, подчас совмещавших в своих руках оба вида деятельности. Обнищавшие, согнанные с земли крестьяне, безземельные батраки, с внедрением машин в сельское хозяйство терявшие заработок, пополняли основной по численности и удельному весу слой фабрично–заводских рабочих – их неквалифицированную массу.

К широким слоям городских и сельских тружеников, полупролетариев и мелких собственников, впадавших в нищету в ходе промышленной революции, присоединялись и выходцы из других групп низших слоев среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы, рантье. Все они, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, опускаются в ряды пролетариата – частью оттого, что их маленький капитал «не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения» [10].

Лишь постепенно, с ростом крупной промышленности, все большее значение в качестве источника пополнения пролетариата приобретает воспроизводство рабочей силы за счет самих рабочих семей.

Важной категорией населения, за счет которой происходило пополнение фабрично – заводского пролетариата на ранних ступенях промышленной революции во всех странах, стали женщины, подростки, дети. Машины позволили предпринимателям в больших масштабах использовать женский и детский труд, поскольку для работы у станка не нужна была такая высокая профессиональная подготовка, как для работы в ремесленной мастерской или мануфактуре. Если ремесло требовало долгих лет обучения, то для овладения операцией, например, на механическом ткацком станке, достаточно было в лучшем случае считанных недель. Упрощение производственных операций, сводившее труд рабочего к выполнению постоянно повторяющихся, сравнительно простых приемов и движений, способствовало вытеснению квалифи-

цированного труда и прокладывало дорогу широкому применению труда необученных работников. Предпринимателям было весьма выгодно привлекать на фабрики женщин и детей: в отличие от ремесленников и мануфактурных рабочих они совсем не имели производственной квалификации, что обуславливало дешевизну их труда; к тому же эти работники были более сговорчивыми и менее способными к отпору.

В условиях завершения промышленного переворота социальный облик пролетариата претерпит существенные изменения. В это время постепенно сократится удельный вес рабочих ремесленного типа и связанных с сельским хозяйством полурабочих – полукрестьян и, напротив, повысится доля тех рабочих, которые накрепко, из поколения в поколение связаны с крупным фабрично – заводским производством. Различные по происхождению категории рабочих, переплавившись в заводском тигле, сольются в единый сплав. Только тогда собственно индустриальный пролетариат в количественном отношении возобладает над ремесленно – мануфактурным.

***Своеобразие становления
промышленного пролетариата
в отдельных странах***

Формирование промышленного пролетариата в различных странах имело свои особенности. Оно зависело от уровня, характера и темпов развития

экономики, от самой структуры капиталистического производства каждой страны.

В *Англии* промышленный переворот начался спустя много времени, после того как победила буржуазная революция и капиталистические производственные отношения стали господствующими. Он осуществлялся здесь в чисто капиталистической форме, наиболее полно охватывая все сферы экономики, в основном уже освобожденные от феодальных пут. Англия была классической страной промышленной революции [11]. Естественно, что общие закономерности возникновения рабочего класса получили здесь чрезвычайно отчетливое и последовательное выражение. В этом первая и основная особенность складывания английского промышленного пролетариата.

Кроме того, специфическая черта формирования рабочего класса Англии состояла в том, что главным источником, из которого он пополнялся, служило крестьянство, подвергшееся в отличие от всех прочих стран полной экспроприации в эпоху промышленного переворота. В XVIII – начале XIX в. обезземеливание крестьян достигло максимального размаха: стали практиковаться так называемые парламентские огораживания. Крестьянство как класс совершенно исчезает. Сотни тысяч крестьян, потерявших пахотную землю и право пользования общинными угодьями, превращаются в бедствующих пауперов. Из этого пауперизированного крестьянства и образуется в основном резервная армия труда, откуда предприниматели черпают кадры постоянных наемных рабочих для мануфактур и фабрик. Значительная масса сельских бедняков переходит в разряд батраков, обслуживающих нужды реорганизуемого на буржуазной основе земледелия.

Крупные фермерские хозяйства в этот период все больше вытесняют мелкое землевладение. В них применяются усовершенствованные орудия, внедряются машины (сеялки, молотилки и др.), передовые приемы возделывания почвы, широко используется труд батраков из числа безземельных крестьян. К началу 30-х гг. XIX в. крупная ферма, эксплуатирующая наемный труд, сделалась ведущей формой ведения сельского хозяйства. Так наряду с промышленным пролетариатом образуется пролетариат сельскохозяйственный.

Огораживания сыграли большую роль и в судьбах деревенского ремесла. В условиях конкуренции фабричного производства деревенские промыслы превращаются в придаток капиталистической фабрики, а сами деревенские ремесленники в рабочих капиталистически организованной домашней промышленности, по своему социальному статусу мало чем отличающихся от фабричных.

Социальный состав английского пролетариата, как и везде на ранних ступенях промышленной революции, был весьма пестр: наряду с фабричными и другими рабочими крупнокапиталистической промышленности (метал-

лурги, шахтеры), все еще составлявшими меньшинство пролетариев, сюда входили работники мануфактурного производства, занятые в централизованных предприятиях и в домашней промышленности. Существовало и немало квалифицированных подмастерьев, работавших в мелких ремесленных мастерских. Имелся, наконец, значительный по численности сельский пролетариат. Все эти разнородные элементы постепенно сближались по своему положению с рабочими крупного производства, сливаясь в единую категорию – рабочий класс.

Зародившись раньше, чем где бы то ни было, пролетариат Англии количественно увеличивался весьма быстрыми темпами, с большой интенсивностью концентрировался на крупнокапиталистических предприятиях. К началу 30-х гг. XIX в он вырос в значительную по численности и мощи общественную силу.

На формировании рабочего класса **Франции** явственно сказались замедленные темпы промышленного переворота. Он наметился лишь незадолго до буржуазной революции 1789 – 1794 гг. Однако заметные успехи в развитии промышленности были достигнуты только после ликвидации феодальных порядков. Получает распространение фабричное бумагопрядение, появляются льнопрядильные, шерстопрядильные, хлопчаткацкие и сукнодельческие фабрики. С конца XVIII в. крупное предпринимательство зарождается в каменноугольной промышленности, а с 1815 г. – в черной металлургии. Тем не менее по уровню и темпам промышленного роста Франция отстает от Англии. Уступал английскому (и по темпам своего развития, и по численности) и промышленный пролетариат Франции.

Замедленные темпы возникновения и сравнительная малочисленность промышленного пролетариата во Франции во многом объясняются тем, что в противоположность Англии Франция на ранней стадии промышленной революции оставалась крестьянской страной. Крестьяне – собственники и арендаторы на протяжении десятилетий были здесь основной категорией населения. В условиях роста капитализма в деревне часть крестьян пауперизирова-

лась и пролетаризировалась. Но, даже сделавшись полунищими, они продолжали цепко держаться за собственный (пусть ничтожный по величине) клочок земли. Работа в промышленности являлась для обедневших земледельцев всего – навсего отхожим промыслом.

Наличие многомиллионного приверженного к земельной собственности крестьянства тормозило рост промышленного пролетариата. Французская промышленность испытывала острую потребность в рабочей силе: из-за ее нехватки в 1843–1848 гг. в некоторых районах, например, была прекращена добыча угля [12].

Своеобразие формирования пролетариата определялось так же тем, что в связи с замедленностью промышленной революции во Франции большой живучестью обладали ремесло и мануфактура. Наряду с пробивавшим дорогу крупным фабричным производством здесь имелось множество небольших ремесленных мастерских и различного типа городских и сельских мануфактур. Ремесло и мануфактура, равно как и домашняя промышленность, оставались преобладающими формами промышленной деятельности.

Указанные обстоятельства обусловили большую распыленность французского пролетариата (по сравнению с английским). В его составе значительное место принадлежало работникам мануфактур, домашней промышленности, рабочим ремесленного типа – ученикам и подмастерьям, сохранявшим средневековые традиции, а также полупролетариям (примером последних может служить часть лионских ткачей, не пользовавшихся наемным трудом) и рабочим, являвшимся одновременно крестьянами (рудокопы, лесорубы, угольщики и т.п.). Доля рабочих фабрично – заводской, крупнокапиталистической промышленности в общей массе пролетариев была относительно невелика.

В социальном отношении французский пролетариат, таким образом, был довольно сильно разбавлен недавними выходцами из мелкобуржуазной среды или работниками, по своему положению близкими к ним (поскольку

доминировавшим типом предприятия все еще оставались мастерские, пользовавшиеся трудом нескольких рабочих) [13].

Германия встала на путь промышленного переворота в основном с 30-х гг. XIX в. В это время здесь и зарождается промышленный пролетариат. Его складывание происходило медленнее, нежели в Англии и Франции. Экономическое развитие страны тормозили унаследованные от средневековья политическая раздробленность и феодально – крепостнические порядки. С середины 30-х гг. начинают строиться первые железные дороги. Фабричная промышленность (главным образом хлопчатобумажная), крупнокапиталистическое производство в горном деле, черной металлургии, машиностроении получают развитие лишь в некоторых районах (Рейнская область, Саксония, Силезия). В целом накануне революции 1848 г. Германия оставалась страной ремесла и домашней промышленности [14].

Рост германского пролетариата происходил сравнительно медленно, и численность его была сравнительно невелика. Рекрутировался он главным образом из ремесленников, мануфактурных рабочих, а также из крестьян, освобожденных от крепостных уз. Однако, поскольку в большинстве германских земель до середины XIX в. сохранились различные формы феодальной зависимости, включая крепостничество, крестьянство не могло быть столь широким, как, например, в Англии, резервуаром пополнения пролетариата.

Основную массу немецкого рабочего класса составляли ремесленные подмастерья и полупролетарии, еще не порвавшие с землей, рабочие капиталистической домашней промышленности (ткачи, прядильщики, красильщики и т. п.). Фабрично – заводской пролетариат представлял собой весьма малую часть рабочих и отличался слабой концентрацией. В 1846 г. средняя численность рабочих на машиностроительных предприятиях составляла около 50 человек [15].

Промышленный пролетариат формировался весьма неравномерно в различных регионах Германии и по отдельным отраслям. Приблизительно четвертая часть рабочих была сосредоточена в Рейнско – Вестфальском рай-

оне, в остальной Германии рабочий класс существовал лишь местами и в зачаточном виде. При этом большая часть рабочих крупнокапиталистической промышленности была представлена горняками и железнодорожниками, (строительство железных дорог в 40-е гг. XIX в. имело приоритетное значение в процессе индустриализации Германии).

Особенности возникновения рабочего класса в *Соединенных Штатах Америки* также связаны со своеобразием условий промышленной революции, развернувшейся в основном в 20–30-е гг. XIX в. Одной из причин этого являлась экономическая зависимость США от Англии. Кроме того, параллельно с развитием капиталистической экономики вглубь в старой, заселенной части США (северо–восток) происходило освоение западных, так называемых свободных земель (т.е. земель насильственно отнятых у коренного населения – индейцев, подвергавшихся жестокому истреблению). Эта колонизация отвлекала и капиталы, и рабочую силу, замедляя в целом рост капитализма.

Существенными факторами, обуславливавшими особенности промышленного переворота в США в его ранних фазах, были нехватка рабочей силы и рабство негров на Юге страны. Все это оказывало противоречивое воздействие на экономическое развитие США. Наряду с интенсивным внедрением фабричной системы в некоторых отраслях (особенно в хлопчатобумажной и шерстоткацкой промышленности), с широким размахом железнодорожного строительства и т. д. большое значение, даже в текстильном производстве, сохраняли ремесло и мануфактура. На уровне домашней промышленности до середины XIX в. оставались обувная, швейная и многие другие отрасли [16].

Указанные обстоятельства накладывали отпечаток и на возникновение рабочего класса. В ранний период промышленной революции он был относительно немногочислен. К тому же в нем существовал довольно устойчивый слой ремесленников и рабочих домашней промышленности.

Состав американского рабочего класса – и в этом еще одна своеобразная черта его возникновения – отличался в тот период большой текучестью.

Отчасти это также находит свое объяснение в заселении «свободных» земель, куда, наряду с ремесленниками, фермерами, отправлялись и группы рабочих. Но, уходя на западные земли, рабочие и там оставались рабочими, поскольку большинству из них было не по средствам обзаведение фермой.

Помимо названных особенностей процессу возникновения пролетариата в США была свойственна крайняя территориальная неравномерность, обусловленная неравномерностью самого промышленного переворота: он охватил в начале только северо-восток, немного позже – северо-запад страны. Юг США до 60-х гг. XIX в. оставался рабовладельческим: рабы-негры возделывали там крупные латифундии, на которых выращивались технические культуры, главным образом хлопок.

Чрезвычайно характерная черта возникновения американского пролетариата состояла, наконец, в ярко выраженной специфичности источников его формирования: с самого начала он складывался и в дальнейшем пополнялся преимущественно за счет европейских иммигрантов, приток которых с конца XVIII в. непрерывно увеличивался.

В *Индии* тонкий слой фабричных рабочих возникает в 40 – 60-х гг. XIX в. в условиях утвердившегося колониального господства Англии. Сохранение колонизаторами пережитков феодальной структуры служило помехой развитию капиталистической экономики. В то же время вовлечение Индии в мировую торговлю в качестве аграрно-сырьевого придатка метрополии благоприятствовало складыванию предпосылок для перенесения сюда фабричного производства. С 30-х гг. XIX в. берет начало промышленная деятельность индийского купечества: создаются предприятия мануфактурного характера по переработке сельскохозяйственных продуктов (сахароварение, производство индиго, очистка хлопка). А немного времени спустя английские капиталисты и индийские купцы основывают первые фабричные предприятия. Машины для них и обслуживающий персонал доставляются из Англии. Эти предприятия также специализировались на обработке сельскохозяйственных продуктов.

В 40-х гг. XIX в. в окрестностях Калькутты было введено в действие несколько сахарных заводов, оснащенных английским оборудованием, включая паровые машины. В 1854 г. вступила в строй первая принадлежавшая английскому предпринимателю джутовая фабрика близ Калькутты и первая хлопчатобумажная фабрика в Бомбее, собственником которой являлся индеец. К 1860 г. в том же Бомбее индийскими купцами было пущено в ход еще восемь фабрик. В последующее десятилетие создаются английские хлопчатобумажные фабрики в Канпуре, в 1859 г. строится первая индийская хлопчатобумажная фабрика в Ахмадабаде [17]. Одновременно в районах возделывания хлопка и джута создаются тысячи небольших механизированных мастерских по первичной переработке этих видов сырья для текстильной промышленности. С середины XIX в. британские капиталисты вкладывают крупные средства и в развитие горнодобывающей промышленности Индии.

В первые два–три десятилетия XIX в. начался массовый ввоз в Индию английского фабричного текстиля, что пагубно отразилось на положении местного ремесла. Нищавшие ремесленники становились рабочими мануфактур, а затем и фабрик. Рынок наемного труда, используемого на этих предприятиях, пополняется также за счет мелких земельных собственников и арендаторов, отходников, отправлявшихся искать заработок в города, на железнодорожное и ирригационное строительство. Наряду с зачатками промышленного пролетариата образуется сельский пролетариат: в его ряды переходят разорившиеся под бременем повинностей и налогов крестьяне, наследственные кабальные люди (батраки), внутриобщинные рабы и крепостные.

В целом индустриальное развитие колониальной Индии в рассматриваемое время характеризуется низким удельным весом крупного производства. Оно создается в сфере текстильной промышленности и лишь отчасти в горнодобывающей промышленности, а также в сфере железнодорожного транспорта. Именно здесь и формируются (в основном начиная с 60-х гг. XIX в.) первые отряды индийского фабрично – заводского пролетариата. Его первые

контингенты были сосредоточены в немногих очагах, главным образом в Бомбее и Калькутте, и отличались значительной концентрацией. Общая численность индийского пролетариата того времени неизвестна (регулярная статистика фабричной промышленности начала вестись лишь с 90-х гг. XIX в. [18].

Таким образом, образование рабочего класса было процессом всемирно–исторического масштаба, связанным с появлением и ростом крупнокапиталистического производства. На ранних ступенях промышленной революции этот процесс разворачивается, однако, в территориально ограниченных рамках. В дальнейшем он становится повсеместным. С изменением общей исторической обстановки главные закономерности складывания рабочего класса, а равно и его национальные особенности подвергаются различным модификациям, обретают новые черты, отражающие развитие самого капитализма.

*Положение пролетариата и его
экономическая борьба в условиях
промышленной революции*

Пролетариат, ставший основным производителем материальных благ капиталистического общества, подвергся неслыханной эксплуатации со

стороны предпринимателей.

Промышленная революция привела к резкому возрастанию количества труда, который должен был выполнять рабочий, умножая богатства капиталиста. Это увеличение достигалось прежде всего удлинением рабочего дня. В большинстве отраслей он достигал 16 – 18 часов. Продолжительность рабочего времени, монотонная ритмичность труда, казарменная дисциплина, насаждавшаяся предпринимателями, превращали фабрику в настоящую каторгу для рабочих.

Удлинение рабочего дня шло рука об руку с возрастанием интенсивности труда. Усовершенствование машин, ускорение их хода, обслуживание все большего числа станков – таковы были способы «увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени» [19].

Внедрение машин в производство сопровождалось систематическим снижением заработной платы миллионных масс рабочих. Машина уменьшала спрос на квалифицированный рабочий труд и тем самым его цену. В целом заработная плата самых различных групп рабочего класса нигде не обеспечивала элементарного прожиточного минимума.

Отсутствовала охрана труда, и несчастные случаи на производстве представляли обыденное явление. Чаще всего это были травмы рук: рука рабочего или работницы, оглушенных шумом станков и утомленных многочасовой монотонной работой, попадала в колесо передаточного механизма.

Еще большие возможности для усиления эксплуатации открыло перед капиталистами широкое использование женского и детского труда. Женский труд систематически применялся не только в текстильных, но и во многих других отраслях. Точно так же всюду и в более значительных масштабах использовался труд детей, оплата которого была еще более низкой.

Невероятно тяжелыми были в те времена и условия повседневной жизни и быта огромного большинства рабочих. Крайняя бедность заставляла рабочие семьи селиться в сырых подвалах, на чердаках, лишенных отопления, жить в грязных трущобах, непригодных для жилья. Промышленные города Англии, такие, как Манчестер, уже в конце XVIII в. превратились в страшные центры рабочей нищеты, в очаги повальных эпидемий и чудовищной смертности, которые спустя несколько десятков лет с потрясающей силой изобразил молодой Ф. Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии».

К сказанному необходимо добавить, что в пору своего возникновения рабочий класс был совершенно бесправен в социальном и политическом отношениях. Трудовое законодательство, которое в какой-либо степени могло сдерживать алчность предпринимателей и оградить рабочих от хозяйского произвола, полностью отсутствовало. Напротив, сплошь и рядом издавались законы, направленные против рабочих и юридически закреплявшие всемогущество капитала.

Тяжелое материальное и приниженное социальное положение пролетариата послужило объективной причиной, толкнувшей молодой рабочий класс на путь сопротивления эксплуататорам – капиталистам, основой возникновения рабочего движения. Содержание, цели, способы и возможности его борьбы против буржуазии были разнообразны. Они изменялись в процессе становления и развития самого рабочего класса, по мере пробуждения и созревания его классового сознания и во многом зависели от состава участников борьбы, не одинакового на разных ее стадиях. Однако, каков бы ни был характер сопротивления зарождавшегося рабочего класса капиталистическому гнету, сколь бы ни были различные методы давления на классовых противников, применявшиеся отдельными группами и отрядами пролетариев и полупролетариев, борьба эта так или иначе выражала крепнущую ненависть эксплуатируемых к буржуазии, а различные средства, использовавшиеся при этом, представляли собой формы пролетарского возмущения.

Первые шаги социальной активности зарождавшегося рабочего класса были сделаны им на пути экономической борьбы против буржуазии. Независимо от того, какие размеры и формы принимал его отпор капиталистической эксплуатации, всегда и повсюду он первоначально имел преимущественно, если не исключительно, экономический характер. Экономическая борьба была закономерно необходимым этапом развития рабочего движения, связанным со становлением пролетариата как самостоятельного общественного класса, с зарождением его классового самосознания, с возрастанием уверенности в своих силах. Посредством экономической борьбы рабочие стремились, по выражению Ф. Энгельса, «выйти из положения, превращающего их в животных», добиться «лучшего, более соответствующего человеческому достоинству положения» [20]. Если бы рабочие не вели экономическую борьбу, «они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения» [21].

Социально – психологическим фактором, который заставлял рабочих вступать в экономическую борьбу против буржуазии, служил классовый ин-

стинкт, присущий пролетариату со времени его возникновения. Промышленным рабочим не приходилось «изобретать» заново, на пустом месте методы этой борьбы. Они в значительной мере являлись исторически унаследованными от предшествующего периода. Такая преемственность была вполне естественной: она определялась самим социальным составом этого общественного класса, вобравшего в себя обширные слои мануфактурных и ремесленных рабочих, которые в той или в иной степени прибегали к подобным средствам сопротивления еще в условиях мануфактурного капитализма. Поэтому рабочее движение на первых порах включало и всевозможные традиционные виды социального протеста. Однако, перенимая способы борьбы у своих предшественников, промышленный пролетариат развивал их дальше, обогащая собственной практикой.

Как правило, раннепролетарские выступления имели бунтарскую окраску. Вместе с тем, стихийность и бунтарство сочетались в них с зачаточными элементами организованности, которая, чем дальше, тем больше укоренялась в рабочей массе. Одним из наиболее ярких проявлений бунтарского характера первых, происходивших в виде отдельных вспышек, рабочих выступлений были волнения, вызывавшиеся дороговизной и резким отставанием заработной платы от роста цен. Бурные всплески стихийного негодования принимали обычно в таких случаях старинную форму голодных бунтов, в которых, как и в прежние времена, наряду с рабочими участвовали плебейские «низы». Во время этих бунтов толпы голодного люда захватывали зерновые склады, возы и баржи с мукой, громили продовольственные лавки, поджигали мельницы.

Важное направление в истории ранних классовых битв пролетариата образует движение «разрушителей машин». Оно получило название луддистского, по имени легендарного рабочего Неда Лудда, который, как гласило предание, первым сломал вязальный станок. Движение луддитов началось еще в 60-е гг. XVIII в. и продолжалось в основном до 1830 г. В ходе этого движения рабочие, не понимая истинной природы капиталистической экс-

плуатации, разрушали машины, считая их причиной своего бедственного положения. Многие из выступлений луддистов были чрезвычайно ожесточенными. Против луддистов, причинявших крупный ущерб фабрикантам, направлялись войска. К «разрушителям машин» применялись суровые меры наказания вплоть до смертной казни. Однако луддизм являлся лишь превратной формой борьбы рабочих против капиталистов. Потребовались, по словам К. Маркса, «известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем перенести свои атаки с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации» [22].

В качестве метода пролетарского сопротивления луддизм оказался скоропреходящим. Нужны были иные способы противодействия натиску буржуазии, и они были найдены. Наибольшее значение среди них уже на ранних ступенях промышленной революции получили экономические забастовки.

Раньше всего ареной развертывания стачечного движения стала Англия. В конце XVIII – первой половины XIX в оно возникает и в других европейских странах, вставших на путь промышленного переворота, а также в США.

Общей чертой всех стачечных выступлений рассматриваемого периода, где бы они ни происходили, было то, что в них выдвигались главным образом требования экономического порядка: установление минимума или увеличения заработной платы, ее своевременная выдача, сокращения или по крайней мере сохранения прежнего рабочего дня, отмены штрафов и всякого рода удержаний из заработной платы и т. д. При этом наблюдается постепенное повышение уровня требований.

Развертывание стачечного движения, в которое вовлекались все большие массы рабочих, знаменовало собой переход классовой борьбы формирующегося промышленного пролетариата на новую, более высокую ступень. Классовый инстинкт, изначально присущий пролетариям, в стачке перерастал уже в классовую позицию, которая начинала приобретать рациональный

характер. Стачки служили мощным фактором дальнейшего развития зачатков классового самосознания пролетариата, поскольку показывали рабочим силу союза и учили их давать организованный отпор предпринимателям.

Хотя стачки являлись преимущественно формой экономической борьбы рабочего класса, все более заметной особенностью развития ранних забастовочных схваток становилась их постепенно усиливавшаяся связь с общеполитической борьбой. Эта тенденция выражается в форме более или менее энергичного участия определенных слоев и групп рабочего класса в завоевании, а затем в упрочении и распространении вширь и вглубь буржуазной демократии. Рабочие включаются в политическую борьбу, которую буржуазия ведет во имя интересов своего класса – сначала против феодальной аристократии. В этой борьбе буржуазии приходится призывать на помощь пролетариат, вовлекать его, таким образом, в политическое движение.

Итак, массовое рабочее движение рассматриваемого периода отмечено сочетанием различных форм борьбы, характеризующих ступени возмужания складывающегося промышленного пролетариата, роста его классового самосознания. В этой борьбе рабочий класс не только отстаивает свои непосредственные экономические интересы, но и выступает смелым поборником идей демократии и социального прогресса. Говоря словами К. Маркса и Ф. Энгельса, в политической области рабочие в то время боролись не со своими врагами, а с врагами своих врагов [23].

*Зарождение политически
самостоятельного
рабочего движения*

Накануне третьей волны буржуазных революций в Западной Европе конца 40-х гг. XIX в. явно наметился переход пролетариата от борьбы экономической к борьбе политической. В 30–40-е гг. произошли первые крупные самостоятельные выступления рабочих против капиталистов. Стало очевидным, что на исторической арене появилась новая сила, которая будет определять дальнейший ход классовой борьбы и общественного развития.

В ноябре 1831 г. *Франция* была потрясена восстанием рабочих Лиона – второго по величине промышленного города страны. Это было первое крупное самостоятельное выступление рабочих.

Рабочие–ткачи, занятые изготовлением шелковых тканей, потребовали повышения тарифов, ибо купцы–фабриканты снизили заработки ткачей более чем в 2 раза по сравнению с началом XIX в. Отказ хозяев повысить тарифы вызвал взрыв негодования среди ткачей. 20 ноября толпы рабочих стеклись на площадь предместья Круа–Русс. Собравшиеся решили прекратить работу и на следующий день сообща прийти в город, чтобы предъявить властям свои требования.

Утром 21 ноября ткачи – участники демонстрации из предместья Круа–Русс двинулись в город. Но у городской заставы они подверглись обстрелу со стороны буржуазного батальона национальной гвардии. Рабочие пустили в ход камни и палки, а те из них, кто был вооружен, открыли ответный огонь. Ворвавшись в Лион, ткачи возвели баррикады. Тем временем батальоны регулярной армии атаковали Круа–Русс. Бои продолжались до глубокой ночи. Рабочие, захватившие оружейные магазины и склады, быстро вооружались. Власти со своей стороны вызвали в Лион свежие войска. На следующее утро сражение разгорелось с новой силой, Лозунгом восстания были слова, вышитые на черном знамени: «Жить, работая, или умереть, сражаясь!».

После трехдневной вооруженной борьбы рабочие овладели Лионом и создали свой революционный муниципалитет. Тем не менее, лионские рабочие не стали действовать как энергичная власть, враждебная существующему строю. Они были лишь на пути к политической самостоятельности. Чтобы достигнуть ее недостаточно было решимости и героизма. Нужно было знать, что делать с властью, нужно было обладать социальной программой и противопоставить существующей буржуазной законности свою, рабочую законность. Понимание этого могли дать только дальнейший опыт классовых боев и научно – теоретически обоснованная программа действий.

28 ноября к правительственным войскам, отступившим из Лиона, подошло подкрепление и 3 ноября восстание было подавлено.

Лионское восстание 1831 г. произвело сильное впечатление на современников как во Франции, так и в других странах. Оно возвестило Европе, что рабочие не желают больше подчиняться порядку, при котором буржуазия полновластно распоряжается их трудом и жизнью, и что пролетарии способны действовать независимо от всей стоящей над ними социальной иерархии, в том числе и буржуазных классов. Восстание лионских ткачей знаменовало собой важную веху в развитии основного классового конфликта капиталистического общества и в зародыше заключало в себе экономические и политические аспекты будущего противоборства пролетариата и буржуазии. Рабочих, поднявших восстание 1831 г. К. Маркс называл «солдатами социализма» [24].

Восстание в Лионе дало толчок восстанию республиканцев в Париже в июне 1832 г., в котором самое непосредственное участие приняли рабочие французской столицы. Восстание было жестоко подавлено, но оно оставило неизгладимый след. Главное состояло в том, что республиканцы – демократы лучше поняли роль рабочих, составлявших наиболее внушительную и самую мужественную силу в революционной борьбе.

Еще сильнее выявилось значение рабочих во втором восстании в Лионе, которое вспыхнуло 9 апреля 1834 г. Это восстание носило ярко выраженный политический характер – республиканскую окраску. Повстанцы шли в бой с лозунгом «Республика или смерть!», подняв красные знамена. Шесть дней шла упорная борьба на улицах Лиона и его предместий, но 15 апреля потерпело поражение и это восстание.

Историческое значение восстаний лионских рабочих трудно переоценить. Лион шел в авангарде революционного рабочего движения Франции прежде всего потому, что рабочее население этого города отличалось однородностью и компактностью. Первое из лионских восстаний не имело политической окраски; второе было отчетливо республиканским. Однако и то и

другое представляли собой самостоятельные выступления пролетариата против буржуазии, и в этом смысле оба они объективно имели политический, пролетарски – классовый характер. Поэтому во всемирно – историческом плане, в истории мирового рабочего движения в целом оба они были событиями переломного значения.

Рост классового самосознания пролетариата происходил и по другую сторону Ла–Манша – в *Англии*, что вызвало здесь возникновение политического движения получившего название чартизма.

В 1836 г. группа передовых рабочих и ремесленников организовала «Лондонскую ассоциацию рабочих», которая занялась выработкой политической программы рабочего движения. Программа эта, названная «народной хартией» (по–английски хартия – «чартер»), предусматривала последовательную демократизацию политического строя Англии. В хартии выдвигались шесть требований: всеобщее избирательное право (для мужчин), ежегодное переизбрание парламента, тайная подача голосов при выборе депутатов, равное представительство от избирательных округов, отмена имущественного ценза и выплата жалования депутатам. Широкие слои трудящихся горячо поддержали хартию, надеясь, что ее осуществление приведет к улучшению положения народа.

С 1838 г. по всей стране развернулось грандиозные народные митинги, на которых хартия получила всеобщее одобрение. К весне 1839 г. под петицией в парламент, требовавшей осуществление хартии, подписалось более 1200 человек.

Разновидность социального состава чартистского движения привела к появлению в нем двух направлений – «моральной силы» и «физической силы». Сторонников применения только «моральной силы» (убеждения) возглавил Ловетт, сторонников применения не только «моральной», но и «физической силы» возглавили Гарни, О’Брайен, Джонс. Они считали целесообразным проведение всеобщей стачки, вооруженного восстания и т.п. Опорой их служил фабричный пролетариат. Видный руководитель движения

О'Коннор, редактор чартистской газеты «Полярная звезда», занимал колеблющуюся позицию.

4 февраля 1839 г. в Лондоне открылся первый Конвент (съезд) чартистских делегатов. На нем сразу же обнаружилось серьезные тактические разногласия, отражавшие пестроту социального состава чартистского движения и идейную незрелость рабочих масс. Эти разногласия помешали Конвенту выполнить роль руководителя массовой борьбы.

Между тем правительство, встревоженное агитацией чартистов, решило применить меры против развернувшегося движения. Публичные митинги и массовые демонстрации были запрещены; в промышленных районах сосредоточились войска и полиция, буржуазия стала создавать добровольческие отряды в помощь властям.

7 мая 1839 г. петиция чартистов была внесена в парламент. Последний, как и следовало ожидать, отверг ее. Конвент, ослабленный внутренними разногласиями, бездействовал, однако рабочие массы, раздраженные полицейскими репрессиями, рвались в бой. 15 июля 1839 г. в ответ на провокационные действия властей, запретивших митинги чартистов, восстали рабочие Бирмингема. Два дня они держали город в своих руках. 3 ноября того же года в Ньюпорте группа рабочих пыталась силой освободить из тюрьмы чартистского деятеля Винсента, но в стычке с войсками потерпели поражение.

Правительство усилило репрессии, начались массовые аресты активных участников движения. Суровые судебные приговоры, тюремные заключения, ссылки на каторгу обезглавили чартистское движение. В конце 1839 г. оно казалось сломленным. Однако это затишье было временным.

В 1840 г. была создана «Национальная чартистская ассоциация» со своим уставом, руководящими органами (исполнительным комитетом), членскими взносами. Число членов ассоциации вскоре достигло 40 тыс. человек. Центром ее и всего чартистского движения стал Манчестер.

Создание и деятельность «Национальной чартистской ассоциации», явились важным вкладом в борьбу английских рабочих за классовую само-

стоятельность. Впервые в истории массы рабочих политически оформили общность своих классовых интересов и выступили, объединившись в самостоятельную политическую организацию – прообраз партии рабочего класса. И какой бы «младенческий» характер ни имело это первое действительно массовое объединение рабочего класса, оно представляло собой значительный шаг вперед в истории классовой борьбы пролетариата.

О массовом влиянии чартизма свидетельствовала и массовая поддержка, которую получила вторая петиция чартистов, собравшая 3 317 752 подписи. Представленная в парламент в апреле 1842 г., она была более резкой по тону, чем первая. В ней затрагивались многие социальные вопросы и более последовательно выражались интересы рабочего класса. Авторы петиции обличали несправедливость английского общественного и политического строя, указывали на непосильный труд рабочих, их низкую заработную плату, высокие налоги, концентрацию земли и других средств производства в руках высших классов, требовали отмены закона о бедных.

Парламент отклонил и вторую петицию. Это укрепило в рабочем классе мысль о необходимости более решительных действий. 4 августа 1842 г. забастовали рабочие промышленного города Стэлибриджа (недалеко от Манчестера). К ним присоединились рабочие остальных городов этого фабричного района. Забастовочное движение охватило северные промышленные районы Англии. Но стачка все же не стала всеобщей: в нее не были вовлечены рабочие центральных и южных графств.

Чартистские руководители и на этот раз оказались не на высоте положения. Чартистская конференция, открывшаяся в Манчестере 17 августа 1842 г. не приняла решений, которые могли бы обеспечить победоносный исход борьбы. Лишенная общего руководства, стачка постепенно начала ослабевать. Правительство снова прибегло к полицейским репрессиям, применив их в еще более широком масштабе, чем прежде.

После неудачи стачки 1842 г. чартистское движение стало терять свой массовый характер. Важнейшими причинами этого явились: неспособность

руководителей чартизма воспользоваться революционной напряженностью 1842 г.; глубокие внутренние противоречия чартистской идеологии и тактики. Немаловажную роль сыграл промышленный и торговый подъем 1843–1845 гг., несколько улучшивший положение рабочих.

Но с этого времени чартизм становится чисто пролетарским движением. В 1844–1848 гг. передовые деятели чартистского движения – Гарни, Джонс и некоторые другие приняли участие в организации и деятельности «Союза братских демократов», находившегося в тесной связи с многими революционными и демократическими организациями как в Англии, так и за ее пределами.

К. Маркс и Ф. Энгельс были уже в этот период связаны с чартистским движением. Ф. Энгельс, проживавший в эти годы в Англии, с 1843 г. поддерживал личные связи с революционными элементами чартизма, а начиная с 1845 г. активно сотрудничал в чартистской печати. К. Маркс и Ф. Энгельс приняли участие в создании «Союза братских демократов». Они оказали значительное влияние на передовых деятелей левого крыла чартистского движения, многие из которых сблизились с ними.

В 1848 г. чартисты провели сбор подписей под третьей петицией и вновь подали ее в парламент. Петиция была снова отклонена. После этой неудачи только отдельные разрозненные отряды чартистов продолжали борьбу. В 50–х гг. чартизм сошел с политической арены, несмотря на отдельные попытки оживить его.

Чартизм, несмотря на поражение, имел большое историческое значение. К. Маркс и Ф. Энгельс, вырабатывая стратегию и тактику революционной борьбы, учитывали опыт чартизма. В. И. Ленин называл его первым широким, действительно массовым, политически оформленным, пролетарски революционным движением. Он отмечал, что чартизм «во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму» [25].

Первым крупным самостоятельным выступлением рабочих в *Германии* было восстание ткачей в Силезии (район хлопчатобумажной промышленно-

сти) в июне 1844 г. Рабочие Силезии, занятые главным образом в полотняном производстве, владели полугодное существование и подвергались двойной эксплуатации – со стороны мануфактуристов, на которых они работали, и со стороны помещиков, взимающих с них особый налог за право заниматься промышленным трудом. Появление машин позволило предпринимателям низвести положение рабочих до нищенского уровня: работая всей семьей с утра до вечера, ткач или прядильщик не мог обеспечить себе и своим близким даже достаточного пропитания.

Восстание началось стихийным выступлением рабочих двух деревень близ Бреслава против крупного предпринимателя Цванцигера, после того как он грубо выгнал рабочих делегатов. Восставшие ткачи разгромили дома, склады и предприятия Цванцигера и некоторых других мануфактуристов. Движение распространилось на весь район и охватило значительную часть Силезии. Рабочие вступили в вооруженную борьбу с полицией и войсками. При первом столкновении с войсками восставшие заставили солдат отступить. Восстание удалось подавить лишь после прибытия крупных воинских частей. Многие из участников восстания были приговорены к смертной казни, другие к тюремному заключению на длительные сроки.

Силезские ткачи не ставили никаких целей политического характера, и в этом смысле они отставали от английских чартистов и от лионских повстанцев 1834 г. Недостаточная зрелость движения выражалась в разделении хозяев–фабрикантов на «плохих» и «хороших», а также в отношении к прусскому государству. Многие из восставших сохраняли веру в короля, возлагали надежды на помощь со стороны центральной и местной власти.

Восстание было стихийным, во главе его не было никакой сколько–нибудь организованной группы. Вместе с тем германское рабочее движение не знало доселе другого, хотя бы в такой степени осознанного и столь же массового выступления против капиталистической эксплуатации. Силезские ткачи не были орудием какого–либо имущего класса – они отстаивали свои, рабочие интересы и в этом отношении оказались на уровне, достигнутом ан-

глийским движением всего лишь двумя годами раньше. Вот почему К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали восстание силезских ткачей в одном ряду с выступлениями лионского пролетариата и чартистским движением. Каждое из этих движений отражало, разумеется, уровень социального и политического развития пролетариата соответствующей страны и обладало собственной спецификой.

Таким образом, к концу первой половины XIX в. сложились исторические условия для возникновения марксизма. Выход пролетариата на арену самостоятельной классовой борьбы в наиболее развитых странах капитализма был первым таким условием.

<p><i>Утопический социализм</i></p>

Возникновение марксизма было подготовлено и предшествовавшим развитием передовой общественно – политической мысли. Одним из непосредственных идейно – теоретических источников марксизма стал утопический социализм.

Основоположником утопического социализма явился английский мыслитель–гуманист *Томас Мор* (1478–1535). Мор был широко образованным человеком и занимал высокие посты в английском парламенте и при дворе короля Генриха VIII. Внимательно изучая жизнь, он высказал некоторые глубокие суждения о социальных проблемах. В 1515 г. Мор издал книгу об устройстве общественной жизни на вымышленном острове, которая получила краткое название «Утопия». Эта книга дала название одному из общественно – политических учений XVI – XIX вв. – утопическому социализму.

Мор впервые поставил вопрос о необходимости организации производства на основе общественной собственности на средства производства и нарисовал картину устройства будущего общества. Он выступал как убежденный противник частной собственности. «...Если каждый на определенных законных основаниях,– писал он в «Утопии»,–старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим...». Поэтому, утверждал Мор, благополучие в ходе люд-

ских дел возможно «только с совершенным уничтожением частной собственности».

Новые общественные порядки, созданные на острове, исключают паразитизм и тунеядство. Все члены общества трудятся. Основной производственной ячейкой является семья, которая занимается каким-либо одним видом ремесла. Соединение земледельческого труда с ремеслом достигается тем, что каждый горожанин в составе артели два года выполняет сельскохозяйственные работы, после чего снова возвращается в главную отрасль хозяйства – ремесло. Рабочий день продолжается всего шесть часов, поэтому у жителей острова остается немало времени для занятий наукой и искусством. Плоды своих трудов они доставляют на склады, из которых получают все необходимое им для жизни бесплатно. Утопийцы не нуждаются в деньгах, они используют их только в сношениях с другими государствами.

Обосновывая возможность бесплатного распределения по потребностям, Мор писал: «Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка?»

Мор вводит элементы утопического коммунизма. Однако потребности людей сводит к минимуму. Так, «каждый довольствуется одним платьем и притом обычно на два года», покрой одежды остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время. Мор исходил из наличия скудных ресурсов того времени, поэтому общественное распределение трактовал упрощенно.

На всей «Утопии» Мора лежит печать исторической ограниченности. На острове в небольшом количестве существуют рабы, которые необходимы, по мысли Мора, для выполнения самых неприятных работ. Они формируются из военнопленных, преступников и лиц, приговоренных к смертной казни в других государствах и выкупленных утопийцами. При хорошей работе и примерном поведении рабство с отдельных людей, правда, может сниматься. Во главе общества стоит князь. Он избирается, но имеет неограниченную

власть. Избирательным правом пользуются не все члены общества, а только отцы семейства, что отражает патриархальную идею, которая тянется из глубины веков. Мор признает необходимым и некоторый минимум религиозных верований у жителей острова.

Жизнь Мора кончилась трагично: за отказ принести присягу королю, объявившему себя главой и церковной власти, он был казнен.

После Мора страстным пропагандистом идей гуманизма и социальной справедливости выступил итальянский мыслитель *Томазо Кампанелла* (1568–1639). Он родился на юге Италии, которая находилась под испанским владычеством. За подготовку заговора против поработителей Кампанелла был брошен в темницу и просидел в ней 27 лет. Неукротимый оптимист, закованный в цепи, он написал здесь знаменитый роман «Город Солнца» (1602), представлявший собой рассказ некоего путешественника–генуэзца, повидавшего якобы в далекой стране новый общественный строй. Жизнь в «Городе Солнца» строится примерно на тех же принципах, что и в «Утопии». Но особый упор Кампанелла делает на описании организации труда, распределения продуктов и управления обществом.

В «Городе Солнца» все, что производится, поступает в общественные склады, и каждый получает оттуда средства для жизни бесплатно. Власти следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему необходимо, чтобы все трудились и процесс труда развивался в соответствии с общественным благом. Граждане «Города Солнца» заняты общественным трудом всего лишь четыре часа, остальное время проводят в «развитии умственных и телесных способностей». Все это делается радостно. Сельскохозяйственные работы обязательны для всех членов общества. Во главе «Города Солнца» стоит коллегия ученых. Главный правитель «Города Солнца» владеет всей суммой знаний, знаком со всеми видами практической деятельности. Кампанелла высказал тем самым идею о возможности научного управления обществом.

Учения ранних социалистов–утопистов Мора и Кампанеллы чутко уловили настроения широких трудящихся масс, испытывавших на себе тяготы периода первоначального накопления капитала. Они выдвинули вдохновляющие проекты справедливого общественного устройства, не обремененного ни частной собственностью, ни возникающими на ее основе эксплуатацией и неравенством. Большим завоеванием было перенесение поисков, ведущих к равенству, из области распределения в область производства: право на наслаждения благами жизни имеет лишь тот, кто трудится. Но это были прозрения не претендовавшие на практическую реализацию.

В XVII – XVIII вв. утопический социализм развивался под воздействием широких народных движений, в ходе которых нередко выдвигались в качестве самостоятельных требований равное право на собственность, уравнивание наделов земли, объявление ее общим достоянием и т.д. Настроения народных масс оказывали влияние на передовые умы того времени и получили отражение в их утопических учениях.

Ярким примером этого служит английский утопист XVII в. *Джерард Уинстэнли* (1609–1652). Он являлся сторонником уравнительного коммунизма. Утопизм Уинстэнли отчетливо проявился в том, что он надеялся осуществить коммунистические идеалы посредством законодательных актов буржуазного правительства.

В предреволюционной Франции XVIII в. коммунистические идеи дополняются выводом о том, что путь к новому обществу лежит через борьбу народных масс. Первым эту идею выразил французский социалист–утопист *Жан Мелье* (1664–1729). Он дал резкую и страстную критику феодально–капиталистических порядков. В своем сочинении «Завещание» Мелье мечтал о коммунистическом строе, основанном на коллективной собственности, о жизни, когда не будет места угнетателям.

Схему нового общества, основанного на коллективной собственности, дал другой французский мыслитель – утопист *Морелли*. В своем труде «Кодекс природы» (1755) он вступил в полемику с теми, кто утверждал, будто

частная собственность и неравенство коренятся в природе человека. Напротив, утверждал он, частная собственность испортила, извратила эту природу. В обществе, основанном на составленных Морелли законах, частная собственность отсутствует, право собственности сохраняется только на предметы личного потребления и орудия ремесла.

Накануне и во время французской буржуазной революции большое распространение среди представителей демократического лагеря получили идеи *Габриеля Мабли* (1709–1785). В своих произведениях он обрушился против тирании богачей, имущественного неравенства и пропагандировал идеалы коммунистического устройства общества. В основу своего учения Мабли положил идею естественного равенства людей. По его мнению, частная собственность испортила нравы людей, развила у них такие отвратительные черты, как жадность, стремление к наживе, накоплению богатства и т.д. Мабли предлагал путем издания справедливых законов уравнивать собственность между всеми членами общества.

Идея социальной справедливости получила свое дальнейшее развитие в период французской буржуазной революции 1789–1794 гг. В эти годы появилось немало коммунистических проектов, в которых был сделан важный вывод о том, что для установления справедливого общества нужна народная революция и революционная диктатура.

Наиболее радикальные выводы в это отношении были сделаны *Граксом Бабефом* (1760–1797). Бабеф и его сторонники выражали чаяния нарождавшегося французского пролетариата. В их манифесте утверждалось, что французская революция только предтеча другой, более величественной революции, которая будет уже последней. Буржуазное равенство, говорили бабувисты, не что иное, как красивая, но бесплодная фикция. Трудящимся надо захватить власть, установить революционную диктатуру и посредством ее добиться фактического равенства. В стране не должно быть ни богатых, ни бедных, никто не может присваивать собственность, труд должен стать обязанностью всех членов общества.

Бабувисты обосновывали необходимость революции, которая должна установить социальную справедливость на земле. Вместе с тем революцию они понимали лишь как действие узкой кучки заговорщиков. Но их идеи были изложены уже не в виде рассказа о далекой, несуществующей стране, а в форме манифеста – программного документа, призывающего к революционным действиям.

Однако на воззрениях социалистов–утопистов, в особенности представителей первого этапа, отрицательно сказались неразвитость пролетариата, недостаточная выявленность его собственных интересов, отсутствие необходимых материальных условий его освобождения. Вследствие этого их гениальные предвидения, проникающие на несколько столетий вперед, тесно переплетаются с реакционной проповедью всеобщего аскетизма, тягостной регламентации и грубой уравнительности. Тенденции такого рода всегда были объектом принципиальной критики со стороны марксизма.

В начале XIX в. широкое распространение получили теории критически–утопического социализма, который непосредственно предшествовал марксизму.

Одним из представителей нового направления утопического социализма являлся французский мыслитель *Анри Сен–Симон* (1760–1825). В своих произведениях он дает подробную характеристику исторических периодов, пройденных человечеством, и общественных слоев, порожденных ими, развивая одну из важнейших сторон своей доктрины – теорию классов и классовой борьбы. Существование классов в качестве субъектов истории он отмечал уже в своей первой работе – «Письма женевого обывателя» (1803 г.).

Сен–Симон прослеживает борьбу угнетенных, неимущих слоев населения и собственников на всех основных этапах истории – борьбу рабов и рабовладельцев, патрициев и плебеев, крепостных и феодалов. Картина всемирной истории у Сен–Симона пронизана мыслью о прогрессе как поступательном движении человечества от низших общественных форм к высшим.

Он полагал, что уже в средние века оформился класс «промышленников», который состоял в основном из городских ремесленников и купцов

Сен–Симон оправдывает выступления народа в период французской революции 1789–1794 гг. Беду революции он видит в том, что руководство ею захватил промежуточный класс, который занял место феодалов (Сен–Симон нередко именуется этот класс буржуазией). Революция, по его мнению, уклонилась от правильного пути построения научной общественной системы и оставила страну в неорганизованном состоянии, поэтому нужна новая революция.

Будущий общественный строй Сен–Симон называл «промышленной системой». Он доказывал, что путь построения нового общества, наиболее выгодного для наибольшей массы людей, лежит через расцвет промышленности и сельскохозяйственного производства, через всемерное развитие производительных сил общества и искоренение в нем всякого паразитизма.

Основными чертами «промышленной системы» Сен–Симон считал превращение общества во всеобщую ассоциацию людей, введение обязательного для всех производительного труда, открытие равных для всех возможностей применить свои способности. Он ратовал за введение государственного планирования в промышленности и в сельскохозяйственном производстве, превращение государственной власти в орудие организации производства, постепенное утверждение всемирной ассоциации народов и всеобщий мир при стирании национальных границ.

Вместе с тем, Сен–Симон не понимал противоположности интересов пролетариата и буржуазии, объединяя их в единый класс «индустриалов». В «промышленной системе» Сен–Симона буржуазия, сохраняющая собственность на средства производства, призвана обеспечить трудящимся рост общественного богатства. Однако он стремился найти реальные пути уничтожения классовой эксплуатации пролетариата. В своем последнем сочинении «Новое христианство» Сен–Симон «...прямо выступал как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих

стремлений» [26]. Идеалистические основы мировоззрения Сен–Симона делали невозможным для него решения этой задачи иначе, как путем мистического преодоления классовых противоречий.

К тому же строй, который рисовался воображению Сен–Симона, не был социалистическим в полном смысле слова. При этом строе исчезает хозяйственная анархия, производство осуществляется по плану, однако сохраняется частная собственность. Сен–Симон нигде не говорит об обобществлении средств производства. Государство лишь подчиняет действия промышленников общему плану. Представление, будто при такой общественной системе можно достигнуть социального освобождения трудящихся, было, разумеется, иллюзией, но идея единого планового хозяйства в национальном и в мировом масштабах, впервые высказанная Сен–Симоном, стала прочным достоянием социалистической мысли.

В общественной жизни Европы XIX в. большое значение имело учение другого французского мыслителя *Шарля Фурье* (1772–1837).

Утопическая система Фурье возникала постепенно дополняясь и видоизменяясь по мере того, как в сферу его наблюдений попадали новые факты экономической, социальной и политической жизни Франции и других стран. Он резко критиковал капиталистические порядки, « пороки цивилизации ». Именно в этой критике состояла наиболее сильная сторона учения Фурье. « Если у Сен–Симона, – отмечал Ф. Энгельс, – мы встречаем гениальную широту взгляда, вследствие чего его воззрения содержат в зародыше почти все не строго экономические мысли позднейших социалистов, то у Фурье мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа... Он беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира... » [27].

Фурье определял капиталистический строй как « промышленную анархию », но подобно Сен–Симону не понимал ее подлинных причин. Он видел их в дроблении собственности, которое препятствует подъему производства,

а также в социальном паразитизме, в силу чего трудящиеся потребляют мало, а паразитические слои общества – слишком много. Особенно интенсивной критике Фурье подверг торговлю: в ней занято так много посредников–паразитов, что народ, по его словам, получает еще меньше, а социальная поляризация увеличивается. Могущественная сила современного государства поддерживает этот несправедливый строй именно потому, что власть находится в руках торговой и финансовой аристократии. Фурье констатирует наличие резких антагонизмов в современном ему обществе. Личные интересы находятся в непримиримом противоречии с коллективными, счастье одних основано на несчастье других.

Фурье пришел к выводу о необходимости найти такую форму общественного труда и жизни, которая гарантировала бы всеобщее благосостояние и счастье. Этой формой он считал ассоциацию, переход к которой произойдет, как представлялось Фурье, мирно. В его системе сохранялись частная собственность, классы и нетрудовой доход. Для успеха нового общества необходим рост производительности труда, обеспечивающий богатство всех, для чего общественный доход должен распределяться соответственно: капиталу (4/12), труду (5/12) и таланту (3/12). С укреплением и развитием строя ассоциации эти пропорции, как предполагал Фурье, будут изменяться в пользу труда.

Основной ячейкой строя, который подготовит переход общества к высшей стадии развития («строю гармонии»), Фурье считал фалангу – производственно–потребительское сообщество из 1600 человек. Такие фаланги должны в конечном счете получить распространение во всех странах и на всех континентах. Фаланга организуется добровольно и не подлежит государственному контролю. Экономика ее основана на сельском хозяйстве, садоводстве, скотоводстве, птицеводстве. Произведенные продукты потребляются главным образом самой общиной. Члены фаланги будут заняты различными видами физического труда. Чтобы сохранить живой интерес к нему, они должны менять работу в соответствии с собственными склонностями и

сообразно общему плану. В фалангах предусматривалась и крупная промышленность.

Согласно Фурье, естественные страсти человека, подавляемые и искажаемые при строе цивилизации, будут направлены на творческий труд, полный разнообразия и радостного соревнования. Разумно организованные могучие трудовые армии – региональные, национальные и международные – преобразуют лик Земли. В новых условиях общественной жизни будет формироваться и новый человек как целостная, всесторонне развитая личность.

Несмотря на крайне причудливую, подчас даже фантастическую оболочку учения Фурье, отдельные элементы будущего строя, который он противопоставлял нормам реальной буржуазной действительности, намечали реальные очертания антитезы капитализма. Поэтому утопизм Фурье состоял прежде всего в том, что он не видел реальных путей построения нового общества. До конца своих дней Фурье не уставал ждать посланца от богатых и власть имущих (за помощью к ним он обращался неоднократно), который принес бы ему радостную весть о том, что они готовы дать деньги для превращения в жизнь его планов.

Рядом с именами Сен–Симона и Фурье стоит имя английского социалиста–утописта **Роберта Оуэна** (1771–1858).

Центральное звено утопической системы Оуэна образуют его представления о человеческой природе. Он полагал, что характер человека создается в результате взаимодействия его с окружающей средой. При этом, с точки зрения Оуэна, решающим фактором является влияние внешних условий, а индивидуальным усилиям, предпринимаемым с целью формирования характера, принадлежит второстепенное место. Человек есть, по Оуэну, продукт среды. Если порочны люди, то порочна среда, породившая их. Но не только каждый человек в отдельности не ответственен за свой характер и свою систему взглядов. В таком же положении находятся целые общественные классы.

Свое учение о характере Оуэн считал не только основным законом человеческой природы, но и величайшей истиной, открывающей путь к разумному устройству общества. Критикуя капиталистический строй, его экономические и моральные устои, а также пытаясь наметить контуры грядущего и даже немедленно практически осуществить его образцы, Оуэн исходил именно из этого учения. В самом деле, если характер и сознание человека формирует внешняя среда, а таковой является буржуазное общество, то оно, это общество, ответственно за всю ту сумму зла, которая накопилась в течение длительного времени его существования: эксплуатацию, нищету, невежество, чувства ненависти и мести, всевозможные пороки.

Исследуя воздействие среды на человека, Оуэн углубился в анализ экономических отношений капитализма. Он подверг критике важнейшие его черты: частную собственность, разделение труда, искажающее естественные задатки человека, алчность и погоню за прибылями, конкуренцию и кризисы перепроизводства. Важнейшей заслугой Оуэна является то, что он оценил историческое значение подъема производительных сил в эпоху промышленной революции. Рост крупной фабричной промышленности на базе машинной техники, констатировал он, стал проклятием для трудящихся, обрекающим их на безработицу. Вместе с тем, полагал Оуэн, материальные силы, которые зреют в глубинах общества, в конечном счете приведут к социальным преобразованиям. В свое видение идеального общества он включил существенным компонентом промышленный и научно–технический прогресс. При этом Оуэн подчеркнул, что благотворная, освобождающая человека роль машины проявится лишь тогда, когда экономический прогресс будет подчинен разумно понятой цели – счастью человечества.

Учение Оуэна о характере лежало также в основе его представлений о будущем обществе и путях перехода к нему. Он считал, что характер индивида можно изменить, если поместить его в условия общества или по крайней мере общины, основанной на истинных и разумных принципах, соответствующих природе человека. Общины, по мысли Оуэна, группируются в фе-

дерации в национальном, а затем и в международном масштабе и в течение нескольких лет покрывают всю землю. Одновременно во всем мире распространяется один язык, один свод законов и одна система управления. Население земного шара станет одной общей семьей.

Каждая община, полагает Оуэн, должна строиться на основах коллективного труда, общности владения, равенства в правах и обязанностях всех ее членов. Поскольку все люди имеют общие свойства, каждый член поселения должен быть обеспечен всем необходимым, без чего, утверждает Оуэн, не может быть ни справедливости, ни единства, ни добродетели, ни длительного счастья. Необходимым условием социального равенства Оуэн считает устранение сословных и классовых различий, возникших потому, что люди отошли от естественных законов. Все это, по мнению Оуэна, должно привести к исчезновению конфликтов между богатыми и бедными, к исчезновению классовой борьбы. «Либо все люди должны быть счастливы, либо никто» – так представлял он себе универсальный девиз людей всех стран.

Оуэн верил, что новый общественный строй неизбежно победит. Так же как Сен–Симон и Фурье, Оуэн полагал, что это произойдет без классовой борьбы. Он пытался, разумеется безуспешно, убедить в реальности и полезности своих проектов то английский парламент, то королеву Викторию, то других монархов. Потерпели провал и его эксперименты по созданию пропагандируемых им общин в Нью–Ланарке и Америке.

Тем не менее исторические заслуги Оуэна неоспоримы. Он был единственным из великих социалистов–утопистов, который пытался осуществить свои социалистические идеалы с участием самих рабочих. Ф. Энгельс считал Оуэна «родоначальником английского социализма...»[28]. Оценивая значение Оуэна для английского рабочего движения первых десятилетий XIX в., Ф. Энгельс писал: «Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна» [29].

Утопический социализм в учениях Сен–Симона, Фурье и Оуэна достиг вершины своего развития. Наследие трех великих утопистов XIX в содержит огромное количество плодотворных мыслей, которые впоследствии в переработанном виде вошли в марксизм. «...Немецкий теоретический социализм, – писал Ф. Энгельс, – никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен–Симона, Фурье и Оуэна – трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежит к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...»[30].

*Английская классическая
политическая экономия*

Важным идейно–теоретическим источником марксизма явились достижения классической политической экономии, которая возникла в период становления капиталистического способа производства и неразвитой классовой борьбы пролетариата. В условиях формирования в недрах феодального общества капиталистических производственных отношений предпринимательская деятельность вслед за сферой торговли, денежного обращения и ссудных операций распространилась также на многие отрасли промышленности и сферу производства в целом. Произошедшие социально–экономические преобразования ознаменовали начало действительно новой школы политической экономии, которую классической называют прежде всего за подлинно научный характер ее теорий и методологических положений.

Представители классической политической экономии, которая, по общепринятой оценке, зародилась в конце XVII – начале XVIII, впервые занялись исследованием капиталистического способа производства, положили начало теории трудовой стоимости, подвергли анализу отдельные формы прибавочной стоимости и капиталистического воспроизводства. К. Маркс писал: «...Под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [31].

Классическая политическая экономия зародилась в Англии в XVII в. Начало ее формированию положил *Уильям Петти* (1623–1687). Он был идеологом английской буржуазии: последовательно отстаивал в своих работах ее экономические и политические интересы; называл буржуазную собственность «священной» и «неприкосновенной» и всячески ее защищал. Петти оправдывал эксплуатацию труда капиталом. Требование ограничения заработной платы физическим минимумом средств существования, необходимым лишь для поддержания жизни рабочих, обосновывалась им необходимостью побуждения рабочих к труду на капиталистов с целью обогащения последних. Теми же классовыми мотивами руководствовался он предлагая расширить английские колониальные владения, эксплуатация которых, по его мнению, принесет буржуазии большие доходы. Он был противником обложения капитала налогами, считая, что оно сокращает возможности расширения производства и увеличения доходов капиталистов. В то же время Петти выступал за взимание налогов с трудящихся.

Петти применил новый метод в политической экономии, осуществив переход от видимости явлений к анализу их сущности. Он стремился показать причинную зависимость экономических явлений, присущие им внутренние закономерные связи. Его интересуют, как он заявил, «только причины, имеющие видимые основания в природе» [32]. Введя в политическую экономию метод, применявшийся в естествознании, он в то же время широко использовал статистический метод экономического анализа.

Вместе с тем у Петти еще отсутствует единая и цельная система теоретических взглядов. Тем не менее в его работах делается попытка объяснить такие экономические явления, как цена товара, заработная плата, цена земли и другие, исходя из определенного начала, именно из теории трудовой стоимости, основателем которой он являлся.

Петти разграничивал внутреннюю стоимость, которую называл «естественной ценой», и рыночную цену. Он определял стоимость затраченным трудом, устанавливая количественную зависимость величины стоимости от

производительности труда, но ошибочно измерял величину стоимости двумя мерами: землей и трудом. С позиции определения стоимости товаров затраченным на их производство трудом Петти пытался решить вопрос о происхождении прибавочной стоимости. Рента у Петти выступает как всеобщая форма прибавочной стоимости, конкретное проявление которой – земельная рента и денежная рента (процент). Петти первым из экономистов поставил вопрос о дифференциальной земельной ренте. Научной была также постановка им вопроса о цене земли.

Взгляды Петти по вопросам экономической политики отражали тенденцию подчинения развития экономики страны интересам промышленного капитала, хотя он считал закономерным вмешательство государства в регулирование народного хозяйства. Учение Петти в целом описательно, но при анализе ряда экономических явлений Петти приближается к раскрытию их сущности.

Оценивая взгляды Петти в целом как основателя английской политической экономии, положившего начало теории трудовой стоимости, К. Маркс писал: «...первые смелые попытки, сделанные Петти почти во всех областях политической экономии, были в отдельности восприняты его английскими приемниками и подвергались дальнейшей разработке. Следы этого процесса в течение периода с 1691 до 1752 г. бросаются в глаза даже самому поверхностному наблюдателю уже потому, что все сколько-нибудь значительные экономические работы этого времени исходят, положительно или отрицательно, из взглядов Петти» [33].

Своего высшего развития классическая политическая экономия достигла во второй половине XVIII и в первой четверти XIX в. в трудах британских ученых Адама Смита и Давида Рикардо. Великобритания в тот период была самой передовой в экономическом отношении страной. Она обладала относительно высоко развитым сельским хозяйством и быстро растущей промышленностью, вела активную внешнюю торговлю. Капиталистические отношения получили в Англии большое развитие; здесь выделились главные

классы буржуазного общества: рабочий класс, буржуазия и землевладельцы. Вместе с тем расширение капиталистических отношений сковывалось многочисленными феодальными порядками. Буржуазия своего главного врага видела не столько в формировавшемся рабочем классе, сколько в сильном и хорошо организованном дворянстве. Буржуазия являлась прогрессивным классом, она несла в себе силы общественного развития. По этой причине она была заинтересована в научном анализе капиталистического способа производства. Таким образом, в Великобритании сложились благоприятные условия для взлета экономической мысли.

Адам Смит (1723–1790) выступал идеологом промышленной буржуазии XVIII в., когда она играла прогрессивную роль. К. Маркс характеризовал его как «...обобщающего экономиста мануфактурного периода...» [34]. При жизни Смита промышленный переворот в Англии только начинался, и преобладающей была мануфактурная форма производства с крайне ограниченным применением машин, но с развитым разделением труда между работниками. Отражая этот процесс, Смит рассматривал человеческое общество прежде всего как меновой союз, в основе которого лежит обмен различными видами труда. Склонность к обмену он считал фундаментальным свойством человеческой природы, рассматривая ее внеисторически, независимо от того или другого этапа общественного развития.

Созданное Смитом представление о природе человека и отношениях людей в обществе легло в основу взглядов классической школы. Он исходил из того, что люди, оказывая услуги друг другу, обмениваясь трудом и продуктами труда, руководствуются личной выгодой, Личность рассматривалась при этом как «экономический человек». Преследуя своекорыстный интерес, каждый человек одновременно способствует интересам общества – росту его производительных сил. При этом Смит делал незаметный переход от абстрактного человека к капиталисту, который стремится как можно выгоднее использовать свой капитал и тем самым объективно способствует прогрессу общества.

Смит писал о «невидимой руке», которая направляет сложное взаимодействие хозяйственной деятельности множества людей, тем самым утверждая, что экономические явления определяются стихийными и объективными законами. Условия, при которых наиболее эффективно осуществляется действие этих законов, он называл «естественным порядком». Смит ратовал за «естественную свободу» в экономике. Он был противником вмешательства государства в экономику. Смит считал, что в условиях свободного развития капитализм достигнет существенного роста производительных сил, а это будет благотворно для всего общества, в том числе и для рабочего класса.

Большое значение Смит придавал разделению труда, благодаря которому происходит совершенствование ловкости работника, сбережение времени, теряемого при переходе от одного вида труда к другому; изобретение машин, облегчающих и сокращающих труд. Все это ведет к резкому повышению производительности труда.

В основу своих взглядов Смит положил теорию трудовой стоимости, где определял стоимость затраченным на производство товаров трудом и обмен товаров, соответственно, заключенным в них количеством труда. Смит пытался сделать шаги от исходной, простейшей формулировки теории трудовой стоимости к реальной системе товарно–денежного обмена и ценообразования при капитализме в условиях свободной конкуренции.

Смит определил и разграничил потребительную и меновую стоимости товара. Он признал равнозначность всех видов производительного труда как создателя и конечного мерила стоимости, показал закономерность того, что стоимость непременно должна выражаться в меновой стоимости товара, в его количественном соотношении с другими товарами, а при достаточно развитом товарном производстве – в деньгах.

Признание равнозначности всех видов труда расчищало дорогу к открытию К. Марксом двойственного характера труда и к понятию абстрактного труда. Однако Смит не исследовал труд как субстанцию стоимости, не различал процессы труда как процессы создания и перенесения стоимости,

поскольку все его внимание было устремлено на меновую стоимость, на количественную меру стоимости, на то, как она проявляется в обменных соотношениях и, в конечном счете, – в ценах.

Дальнейшее развитие теории стоимости представляет идея Смита о естественной и рыночной цене товара. Естественная цена – это, в сущности, денежное выражение стоимости. Она как бы «представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены товаров. Случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему» [35]. Смит положил начало изучению конкретных факторов, вызывающих отклонение цен от стоимости. Это, в частности, открывало возможности исследования спроса и предложения как факторов ценообразования, а также роль разного рода монополий в этой области. Однако Смит был непоследователен в своей теории стоимости. Помимо основного определения стоимости заключенным в товаре количеством труда он ввел второе понятие, где стоимость определяется количеством труда, которое можно купить за данный товар.

Смит обрисовал классовое строение буржуазного общества, выделив три его основных класса: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев, причем наемных рабочих он противопоставлял остальным двум классам. Он признавал, что прибыль, процент и рента представляют собой вычеты из продукта труда рабочего. Вместе с тем считал, что прибыль есть плата предпринимателю за риск и затраты капитала.

К заслугам Смита относится анализ категорий заработной платы, что позволило ему вплотную приблизиться к пониманию исторического пути возникновения прибавочной стоимости и эксплуатации труда капиталом. Он говорил, что, работая со своими собственными средствами производства и на своей земле, производитель товаров получает полный продукт своего труда. Но с тех пор как средства производства и земля находятся в собственности

капиталистов и помещиков, а независимый производитель превратился в наемного рабочего, последний отнюдь не получает в виде заработной платы стоимость всего продукта своего труда.

Смит считал, что в основе величины заработной платы лежит стоимость средств существования, необходимых для жизни рабочего и воспитания детей, которые сменяют его на рынке труда. Исследовав структуру этой стоимости, Смит определил, что ее низшей границей является физический минимум. Если стоимость рабочей силы (нормальная заработная плата) опускается ниже данного минимума, то это грозит вымиранием рабочих. Это возможно лишь в обществе, полагал Смит, где идет экономический регресс; в качестве примера такой страны он называл Индию, находившуюся под господством английской Ост-Индской компании.

Смиту удалось также уловить истинное происхождение прибавочной стоимости. Он правильно утверждал, что из созданной трудом и определяемой количеством этого труда стоимости товара рабочему достается в виде заработной платы лишь некоторая часть. Остальная часть добавленной трудом стоимости представляет собой прибыль капиталиста-предпринимателя.

Хотя Смит говорил, что прибыль (прибавочная стоимость) создается неоплаченным трудом рабочих, он тут же незаметно переходил на неверную точку зрения, рассматривая ее как порождение всего авансированного капитала. Смит не заметил возникающее при этом противоречие: если прибыль (прибавочная стоимость) порождается неоплаченным трудом, то она не должна быть пропорциональна капиталу, а должна быть пропорциональна количеству применяемого труда; но поскольку она пропорциональна капиталу в реальной жизни, то это представляется нарушением закона стоимости. Подобно тому, как Смит смешивал стоимость с ценой производства, он и прибавочную стоимость отождествлял со средней прибылью. Он игнорирует как логические звенья, так и процессы исторического развития, ведущие от системы «переменный капитал – стоимость – прибавочная стоимость» к системе «весь авансированный капитал – цена производства – средняя при-

быль». Двойственность смитовской трактовки стоимости проявилась и в его понимании прибыли.

Смит также близко подошел к правильной трактовке основного и оборотного капитала, пытался обнаружить факторы накопления капитала в сфере производства. Однако он не мог раскрыть внутреннюю природу историческую тенденцию капиталистического накопления.

В целом же Смит выполнил в науке большую историческую задачу, определив и очертив границы политической экономии и приведя в систему накопленную к тому времени сумму экономических знаний. Его труды представляют собой одну из вершин общественной мысли XVIII в.

Давид Рикардо (1772–1823) явился крупнейшим продолжателем учения Смита. В трудах Рикардо классическая политическая экономия достигла значительных успехов в познании внутренних закономерностей капиталистического способа производства. Главные достижения Рикардо были использованы К. Марксом в его экономическом учении путем критической переработки.

В 1817 г. Рикардо написал свою основную работу «Начала политической экономии и налогового обложения», в которой отразил противоположности экономических интересов буржуазии и пролетариата. Однако Рикардо не видел исторической роли рабочего класса и считал, что даже его материальное положение не может существенно измениться в рамках капиталистической системы, как бы он ни боролся за свои интересы. Капиталистический строй он рассматривал как естественную и вечную форму организации общества.

Рикардо стремился изучить внутренние, объективные закономерности капиталистического способа производства. В основу всей своей концепции он положил закон стоимости – определение стоимости товаров рабочим временем. Он исследовал, насколько все экономические категории и явления соответствуют или противоречат этому основному принципу. Рикардо сделал

попытку представить всю систему категорий капиталистической экономики как единство подчиненное, в конечном счете, закону стоимости.

В теории стоимости, как и в большинстве вопросов, Рикардо опирался на выводы Смита и стремился развить его взгляды. Он еще более четко разграничил два фактора товара – потребительную и меновую стоимость. Полезность (потребительная стоимость) является необходимым условием меновой стоимости, но не может быть ее мерилем. Меновая стоимость всех товаров определяется затратами труда на их производство и поскольку она является всегда относительной, выраженной в известном количестве другого товара (или денег), Рикардо поставил вопрос о том, что наряду с ней существует абсолютная стоимость – это количество труда необходимое для производства товара. Однако данная идея Рикардо развитая впоследствии К. Марксом, выражена у первого лишь фрагментарно. Вскрытый К. Марксом недостаток теории стоимости Рикардо состоял в том, что он рассматривал стоимость: во–первых, лишь с количественной стороны, а во–вторых, внеисторически, как естественное свойство производимых трудом продуктов при любом общественном строе.

Научной заслугой Рикардо было отрицание тезиса Смита о том, что стоимость определяется затраченным трудом лишь при простом товарном производстве, а в условиях капиталистического производства состоит из суммы реализуемых доходов. Такой подход представлял собой, в сущности, отказ от теории трудовой стоимости и открывал путь для апологетической трактовки прибыли и земельной ренты. Рикардо последовательно положил в основу своих взглядов определение стоимости затраченным трудом.

Отвергнув положение Смита, будто стоимость определяется трудом только в «первобытном состоянии общества», Рикардо доказал, что стоимость товаров, единственным источником которой является труд рабочего, лежит в основе доходов различных классов буржуазного общества – прибыли, процента и ренты. Рикардо показал, что прибыль капиталиста есть неоплаченный труд рабочего.

Рикардо нигде не рассматривал прибавочную стоимость обособленно от конкретных форм – прибыли, ссудного процента и ренты, хотя и подходит к такому пониманию, трактуя процент и ренту как вычет из прибыли, который промышленный капиталист вынужден делать в пользу собственника ссудного капитала. В сущности, тот факт, что рабочий создает своим трудом большую стоимость, чем получает в виде заработной платы, представляется Рикардо очевидным и не нуждается, по его мнению, в каком-то особом анализе. Его интересует лишь количественное соотношение, распадение на заработную плату и прибыль. Как отмечал К. Маркс, этот взгляд Рикардо вытекал из представлений о капитализме как единственной и «естественной» форме всякого общественного производства.

Много внимания Рикардо уделял вопросу о влиянии изменений заработной платы наемных рабочих на стоимость товаров, производимых их трудом. Исходя из своей трактовки законов стоимости, Рикардо отрицал влияние заработной платы на стоимость товаров. Он утверждал, что в условиях свободной конкуренции капиталисты не могут перекладывать прирост заработной платы на цены, а вынуждены жертвовать частью прибыли. На данный вывод опирался, в частности, К. Маркс, когда подверг вопрос о взаимодействии заработной платы, цен и прибыли специальному анализу для отпора вредной для рабочего класса позиции о том, что борьба за повышение заработной платы якобы бессмысленна из-за неизбежного роста цен. К. Маркс отмечал, что «общее повышение уровня заработной платы привело бы к понижению общей нормы прибыли, но в целом не отразилось бы на ценах товаров» [36].

Теория Рикардо отражала проблемы и противоречия развития капитализма, эпохи промышленной революции. Она показала, с одной стороны, прогрессивность капиталистического способа производства, огромные возможности развития производительных сил. Отсюда элементы исторического оптимизма в трудах Рикардо. Но, с другой стороны, в теории Рикардо видна историческая ограниченность буржуазного строя, в особенности его тенден-

ция к расколу общества на антагонистические классы, к росту паразитизма высших слоев при тяжелых лишениях пролетариата. Это породило у него пессимистический взгляд на будущее капитализма.

Хотя учение Рикардо было популярно и оказало большое влияние на последующее развитие экономической науки, непосредственных продолжателей у него не нашлось. Люди, которые объявляли себя его учениками и последователями, на деле скоро отказались от основ его учения, стали утверждать, что капитал создает стоимость наряду с трудом и имеет законное право на вознаграждение.

Подлинным преемником научной и прогрессивной стороны учения Рикардо явился марксизм. К. Маркс совершил революционный переворот в науке и, опираясь на высшие достижения классической политэкономии, построил здание политической экономии рабочего класса. Критика К. Марксом теории Рикардо представляет собой образец добросовестности и конструктивности. Проявляя к Рикардо глубокое уважение, К. Маркс раскрыл объективную, исторически обусловленную ограниченность его учения и всей классической буржуазной политэкономии. Чтобы понять, почему эта политэкономия стала одним из источников марксизма, суммируем ее основные черты.

1. Для классической политэкономии было характерно стремление проникнуть с помощью метода логичной абстракции в глубь экономических явлений и процессов. Она анализировала действительность с большой объективностью и беспристрастием и не занималась сознательной апологетикой буржуазного строя. Это было возможно потому, что промышленная буржуазия, чьи интересы классическая политэкономия в конечном счете выражала, являлась в то время прогрессивной силой, а классовая борьба между буржуазией и пролетариатом еще не приняла развитых и острых форм.

2. В основе мышления классиков лежало представление о существовании объективных экономических законов, не зависящих от воли человека. Эти законы способны обеспечивать естественное равновесие в экономической системе, которой свойственна тенденция к саморегулированию. Поэто-

му классическая политэкономия выступала за всемерное ограничение вмешательства государства в экономику, за свободу торговли.

3. Все здание классической политэкономии строилось на теории трудовой стоимости. Эта теория рассматривалась также как основа теории распределения доходов. Однако классическая политэкономия оказалась не в состоянии применить теорию трудовой стоимости к условиям реального капитализма и объяснить на этой основе его главные закономерности. Коренной причиной этого было представление о капитализме как о единственно возможном, вечном и естественном строе.

4. Классическая политэкономия анализировала классовую структуру буржуазного общества. Она сделала вывод, что источником доходов капиталистов и земледельцев является эксплуатация труда наемных рабочих. Однако она не могла выяснить истинную природу прибавочной стоимости и оставляла возможность трактовать капитал и землю как производительные факторы, а не как материальные основы эксплуатации рабочих.

5. В рамках классической политэкономии были достигнуты важные успехи в исследовании механизма воспроизводства общественного капитала. Но многие важные особенности этого механизма, особенно роль постоянного капитала как элемента стоимости валового продукта, не были выяснены. Как главную экономическую проблему классики выдвигали накопление капитала и недооценивали связанные с этим противоречия, отрицали возможность кризисов общего перепроизводства.

<p><i>Немецкая классическая философия</i></p>

В марксизме были синтезированы высшие достижения немецкой классической философии, представленной именами пяти корифеев – И. Кантом, И. Фихте, Ф. Шеллингом, Г. Гегелем и Л. Фейербахом. С ними в философию пришли темы истории, развития, активности познающего субъекта. Эта философия вызвала к жизни предельно широкий, универсальный стиль мышления, что стимулировало появление в XIX в. массы новых отраслей знаний, анализирующих исторические формы культуры человеческого обще-

ства. Непосредственными же теоретическими предпосылками марксистской философии послужили диалектика Гегеля и материализм Фейербаха.

Творчество *Георга Гегеля* (1770–1831) по праву считается вершиной немецкого идеализма первой половины XIX в. Его мировоззрение формировалось под влиянием идей и событий Великой французской революции и отразило в себе основные противоречия буржуазного прогресса. Осуществление буржуазно–демократических требований мыслилось Гегелем в форме компромисса с сословно–феодальным строем, в рамках конституционной монархии. Эта тенденция в воззрениях Гегеля повлияла и на способ разработки им проблем диалектики, придав последней черты терпимости к отжившим формам жизни и мышления и тем самым ослабив ее революционно–критический характер.

Гегель начинал как последователь «критической философии» Канта, но уже вскоре перешел с позиции «трансцендентального» (субъективного) идеализма на точку зрения «абсолютного» (объективного) идеализма. Среди других представителей немецкого классического идеализма Гегель выделялся обостренным вниманием к истории человеческой духовной культуры. Уже в своих первых сочинениях он толкует иудаизм, античность, христианство как ряд закономерно сменяющих друг друга ступеней развития духа и эпох развития человечества и пытается восстановить их исторический облик. Свою эпоху Гегель считал временем перехода к новой, исподволь вызревшей в лоне христианской культуры, формации, в образе которой явственно проступают черты буржуазного общества с его правовыми и нравственными принципами.

В работе «Феноменология духа» (1807), которую принято считать ключевой для понимания творчества немецкого мыслителя, Гегель разворачивает основные принципы своей философской концепции. Содержание этой книги составляет своеобразно понятая история познания. Но история не в привычном смысле слова, а в гегелевском, как некая схема логического развития познания от самой низшей его формы – чувственной достоверности до пре-

дельно возможной – «абсолютного знания», т.е. знанием тех форм и законов, которые управляют изнутри всем процессом духовного развития, – развитием науки, нравственности, религии, искусства, политически–правовых систем.

Такая схема развития сознания выглядит в общем достаточно искусственно, но, наполняя ее конкретным содержанием действительной истории, Гегель обнаруживает любопытнейшие вещи. Оказывается, например, что превращение истины в свою противоположность, т.е. заблуждение, есть необходимый момент в развитии познания. Путь к постижению более глубоких истин обязан пройти через раскрытие истоков и причин заблуждений.

Общий замысел «Феноменологии духа» – представить историю поиска истины в качестве решающего доказательства обнаруженной наконец истины. В этом заключается одна из оригинальнейших и глубоких идей Гегеля в области познания.

В то же время вклад Гегеля в развитие философии в первую очередь определяется разработкой диалектического метода. Под диалектикой в данном случае понимается теория развития, в основе которого лежит единство и борьба противоположностей, т. е. становление и разрешение противоречий. Противоречие есть единство взаимоисключающих и одновременно взаимопологающих друг друга противоположностей. Возникающее в этом взаимоисключении напряжение, конфликт и служат источником движения и развития любой вещи. Причем развитие осуществляется не в произвольном порядке, а по определенному правилу: утверждение (тезис), его отрицание (антитезис), отрицание отрицания (синтез, снятие противоположностей). Термин «снятие» здесь означает, что первые две стадии развития предмета преодолены, но одновременно и воспроизведены вновь, объединены в новом, высшем качестве. Это касается и гегелевской трактовки взаимоотношений различных философских систем: они сменяют друг друга, наращивая все новые открытия, которые не пропадают во времени, а переходят из одной системы в другую, причем каждый раз в новом качестве.

С помощью созданного им диалектического метода Гегель критически переосмысливает все сферы современной ему культуры (научной, нравственной, эстетической и т. д.). На этом пути он всюду открывает напряженную диалектику, процесс постоянного «отрицания» каждого наличного состояния духа следующим, вызревающим в его недрах состоянием. Будущее вызревает внутри настоящего в виде конкретного, имманентного ему противоречия, определенность которого предполагает и определенный способ его разрешения.

Гегелевская диалектика заключала в себе возможность и революционно – критического переосмысления действительности. Это переосмысление – с материалистических позиций – было осуществлено в 40–х гг. XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Высоко оценивая диалектику Гегеля как учение о развитии объективного мира, его познания и мышления людей, Ф. Энгельс подчеркивал, что «эта диалектическая философия разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества». Для нее «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу» [37].

В данном случае выражена суть диалектики как теории и диалектического метода Гегеля. В то же время полностью проявиться этому методу мешает идеалистическая система гегелевской философии, представлявшая развитие мира и весь общественный исторический процесс в виде саморазвития абсолютной идеи. Эта система постоянно ставит ограничения диалектическому методу. Нужно было освободить данный метод от сковывающих его «насильственных конструкций» идеалистической системы.

Позже К. Маркс, подчеркивая, что его «...диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой про-

тивоположностью», отмечал: «мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо поставить ее на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [38].

Историю Гегель рассматривает в целом как «прогресс духа в сознании свободы», причем этот прогресс разворачивается через «дух» отдельных народов, сменяющих друг друга в историческом процессе по мере выполнения своей миссии. Нарастание степени свободы в сменяющих друг друга исторических эпохах свидетельствует о том, что «дух» неуклонно движется к своей цели, воплощаясь попеременно в конкретном «духе» того или другого народа, который своим характером, государственным строем, а также искусством, религией, философией способен наиболее полно представить, выразить требования «мирового духа».

Важная характеристика исторической концепции Гегеля – высокая оценка активности и даже творческой роли народа в развитии истории. Человеческая деятельность, мотивированная самыми разными побуждениями, интересами, является тем единственным «орудием и средством», которым «дух» добывается нужного ему результата.

Прогресс в осознании свободы, составляющий у Гегеля смысловой стержень истории, ни в коем случае нельзя понимать чисто субъективно, т. е. как изменение мышления отдельных людей. Чтобы стать реальной, идея должна объективироваться, вылиться во что-то внешнее. Такой объективизацией свободы становятся у Гегеля семья, гражданское общество, государство.

Отношение немецкого мыслителя к государству характеризуется особым пиететом. Достаточно сказать, что народы, которые по каким-то причинам государства не образовали, у Гегеля не могут претендовать на вхождение во всемирную историю, они – внеисторичны. Идея государства есть воплощение народного духа, живущего в гражданах и достигающего высшего раз-

вития благодаря этой идее. Наличие вполне развитой идеи государства Гегель признает лишь применительно к некоторым европейским странам, в которых уже реализована идея свободы, достигнуты личная независимость и равенство всех перед законом, существуют представительные учреждения и конституционное правление.

Философия Гегеля – это классика первой половины XIX в. Его стиль философствования именуют классическим, подразумевая ряд основополагающих принципов, составляющих предпосылки данного способа мышления. Это, прежде всего, безграничная вера в «рацио» разум, как человеческий, так и природный, мировой. Это неискоренимая убежденность, что мир в целом устроен достаточно упорядочено, закономерно, разумно, что он не враждебен человеку, а, наоборот, соразмерен, удобен ему. Это, наконец, отсутствие сомнений в том, что разум человека ли, мира ли в целом – в принципе открыт, познаваем, доступен для анализа.

Традицию философствования классического типа продолжил в середине XIX в. *Людвиг Фейербах* (1804–1872). Он резко и решительно отверг идеализм своих великих предшественников (Фихте, Шеллинга, Гегеля) и объявил себя материалистом и атеистом. На общем философском фоне практически безраздельного господства идеализма и более чем уважительного отношения к религиозным традициям столь крутой поворот не мог не привлечь внимания. После тяжеловесных, громоздких, усложненных гегелевских конструкций, мысли Фейербаха были просты и наглядны. Буквально в течение нескольких лет с момента выхода его основных работ – «К критике философии Гегеля» (1839) и «Сущность христианства» (1841) – Фейербах сделался необыкновенно популярным чуть ли не во всей образованной Европе.

Главным делом жизни Фейербаха была непримиримая борьба против религии. В противоположность гегелевской философии религии он рассматривал философию и религию как миропонимания, взаимно исключающие друг друга. Религия, по Фейербаху, представляет собой совокупность фантастических образов несуществующего. Она плод невежества.

Однако в отличие от материалистов XVIII в. Фейербах видит основную причину существования религиозных верований не в обмане темного народа корыстными церковниками, а в самой природе человека, в своеобразии условий его жизни. Первоисточник религиозных иллюзий Фейербах усматривал в чувстве зависимости, ограниченности, бессилия человека по отношению к неподвластным его воле стихиям и силам. Бессилие ищет выхода в порождаемых фантазией надежде и утешении – так возникают образы богов как первоисточника осуществления человеческих упований. Бог, по Фейербаху, будучи проекцией человеческого духа, отчуждается от последнего, объективируется, ему не только приписывают самостоятельное существование, но превращают из творения человека в его творца, в первопричину всего существующего и ставят в зависимость от вымышленного им «высшего существа». Религия, по мысли Фейербаха, парализует стремление человека к лучшей жизни в реальном мире и к преобразованию этого мира, подменяет его покорным и терпеливым ожиданием грядущего сверхъестественного воздаяния.

Для объяснения религиозного феномена Фейербах использует популярное в немецкой философии понятие «отчуждение». Религия ведь есть не что иное, как отчуждение от человека или, точнее, перенесение самых обычных свойств на природу. Природа же потому и становится обожествленной, что силой религиозной фантазии приобретает способности, свойственные человеку. В конечном счете божество – это тот же самый человек, только абстрактный, очищенный от всего злого, грязного, случайного, ограниченного и возведенный в абсолюте, доведенный до невысказанной степени совершенства. В религии, по мысли Фейербаха, человек не сознает, что он, в сущности, боготворит самого себя. Отвергая религиозный культ, Фейербах противопоставлял ему культ человека, облакаемый им в религиозную оболочку «обоготворение человека». Фейербах рассматривал свой девиз «человек человеку – бог» как противоядие теистической религии.

Критика религии у Фейербаха переросла в критику философского идеализма, завершившуюся переходом Фейербаха в лагерь материализма. Убедившись в родстве идеализма и религии, Фейербах вступил в единоборство с наиболее совершенной формой идеализма – немецким классическим идеализмом и вершиной его – философией Гегеля.

Аргументы Фейербаха просты и убедительны. Философия не в состоянии достичь истины, пока она остается в царстве чистой мысли. Ей не под силу создать мир, материю, жизнь. Лишь обратясь к реальному миру, природе, философия может рассчитывать на приобретение настоящих знаний. Все философские тайны скрыты во вполне естественных, материальных вещах. Поэтому надо не замыкаться в узких рамках мышления, выжимая из его категорий и суждений реальный мир, а наоборот – изучать живую жизнь, природу как первоисточник нашего мышления.

Материальный мир существует совершенно независимо от мышления, сознания человека. Сознание же, как и сам человек, есть порождение природы, материи. Основной порок идеализма, по Фейербаху, – отождествление бытия и мышления. Однако на самом деле тождества быть не может: мышление не равно бытию хотя бы потому, что «чистого», т. е. самостоятельного, независимого от материального тела мышления нигде и никогда не было. Между мышлением и бытием существует не тождество, а единство. Причем бытие предшествует мышлению, которое является всего лишь свойством бытия. «...*Мысленное* бытие не есть действительное бытие... Образ этого бытия вне мышления – *материя*, субстрат реальности» [39].

Таким образом, перед нами самой чистой воды материализм, позволявший Фейербаху делать весьма радикальные выводы относительно роли и значения своих предшественников. Учение Гегеля о том, что материальный мир обязан своим существованием творческой деятельности некоего мирового духа, Фейербах объявил просто–напросто переводом религиозного представления о сотворении мира Богом на язык философии.

Философию Фейербаха обычно квалифицируют как «антропологический материализм» (греч. «антропос» – человек, «логос» – слово, понятие, учение). Это связано с претензией мыслителя на создание истинно новой философии, в фокусе которой должен находиться человек. «Новая философия, – объяснял Фейербах, – превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и внешний предмет философии, превращая, следовательно, антропологию... в универсальную науку» [40].

Человек, по Фейербаху, есть материальный объект и одновременно мыслящий субъект. Вместе с тем антропологизм Фейербаха основывается на биологической (а не социальной) трактовке природы человека. Здесь – граница фейербаховского, как и всего домарксовского, материализма, не расширявшего материалистическое понимание на сферу общественной жизни. В целом антропологизм Фейербаха не вышел за рамки метафизического материализма. Выступая против гегелевского идеализма, Фейербах отверг и его диалектику, не видя возможности иной, неидеалистической диалектики.

Материалистические идеи, которые ясно и живо излагал Фейербах, не были свободны от известной ограниченности, на что через некоторое время после выхода его книги «Сущность христианства» обратили внимание К. Маркс и Ф. Энгельс.

Прежде всего они отметили, что Фейербах сводил всякий материализм к механическому, к той его форме, в которой он был выражен в трудах большинства материалистов XVIII в. Поскольку к тому времени более других наук была развита механика, это и послужило причиной того, что к изучению всех явлений, в том числе химических, биологических и даже социальных, стали применять масштабы механики [41]. Естественно, что такое сведение более сложных явлений к простым сильно искажало реальную картину мира.

Другая ограниченность материализма XVIII в., на позициях которого стоял Фейербах, заключалась в неспособности понять мир в его непрерывном развитии как сложный и противоречивый процесс, в ходе которого отживают

одни явления и появляются новые, как правило, более совершенные. Напротив, те или иные вещи и явления действительности рассматривались как изолированные друг от друга и неразвивающиеся. В целом материализм Фейербаха характеризовался К. Марксом и Ф. Энгельсом как механический и метафизический. И они стремились преодолеть ту и другую ограниченность его философии.

Кроме того, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали еще на одну весьма существенную ограниченность философии Фейербаха, а именно на ее созерцательный характер. Речь идет о непонимании роли практической деятельности людей в познании ими природных и социальных явлений и в развитии общества. К. Маркс отмечал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [42]. Другими словами, вне поля зрения Фейербаха оказался тот основополагающий факт, что познавательная деятельность людей есть одна из сторон «чувственной» практической деятельности, в процессе которой они преобразуют действительный мир в соответствии со своими потребностями и интересами.

Вовлекаемые в сферу практической деятельности людей предметы внешнего мира не только созерцаются, но и преобразуются ими. При этом выявляются и познаются различные свойства этих предметов. Тем самым практика выступает как основа познания вещей и явлений действительности. Вне практического отношения к ним они остаются лишь предметом их внешнего созерцания, не более. Это не дает возможность понять их сущность, содержание и значение для человека и общества.

Практика выступает и как критерий истины. В практической деятельности обнаруживается, насколько реально (а не мистически) мыслят люди, то есть насколько верно их мышление отражает действительное положение вещей.

Не поняв познавательного (гносеологического) и социального значения практики как предметно–преобразующей деятельности людей, Фейербах не смог последовательно применить материалистический подход при объяснении общественных явлений. Тем самым его материализм оставался односторонним и незавершенным. Будучи материалистом во взглядах на природу, Фейербах оставался идеалистом во взглядах на общество.

В силу созерцательного, метафизического характера своего материализма Фейербах, как отмечал К. Маркс, не понял значения практики и как революционно–преобразующей деятельности людей, направленной на изменение существующих условий их общественной жизни. Тем самым им не было до конца понято социальное значение философии, а сама его философия так и осталась на созерцательно–объяснительных позициях.

Преодолевая идеализм гегелевской и созерцательно–метафизический характер фейербаховской философии, К. Маркс и Ф. Энгельс унаследовали рациональное содержание их учений – диалектику Гегеля и материализм Фейербаха, освобожденные соответственно от идеализма и метафизики.

Так, порвав с идеализмом Гегеля, они сохранили и развили в своем учении его диалектику как теорию и диалектический метод познания и мышления. Но это была уже материалистическая диалектика, в рамках которой человеческие понятия истолковываются как отражения реальных вещей, их многообразных связей и отношений. Такое соединение диалектики и материализма положило начало созданию новой философии – диалектического материализма. Диалектико–материалистический метод познания предстал как универсальный, применимый не только к явлениям природы, но и общества.

Таким образом, марксизм возник на стыке важнейших достижений человеческой мысли, которые были синтезированы, творчески переработаны К. Марксом и Ф. Энгельсом под углом зрения объективных потребностей классовой борьбы пролетариата и всего дальнейшего развития человеческого общества. Соответственно трем основным теоретическим источникам марксизм возник как единство трех составных частей – философии, политической эко-

номии и теории научного коммунизма. Но это не механическая сумма трех наук – следствие энциклопедически разносторонней деятельности их творцов, а органический синтез трех сторон единого учения, каждая из которых внутренне связана со всем целым.

Синтетический характер марксизма был обусловлен, в частности, специфическим соотношением между его теоретическими источниками и составными частями. Каждой составной части соответствует определенный теоретический источник, который является для нее главным. Однако это не исчерпывает всей сложности взаимоотношений. В действительности каждый теоретический источник марксизма в большей или в меньшей степени влиял на формирование каждой из его составных частей.

Объективные предпосылки – материальные и теоретические – могли привести к возникновению нового мировоззрения только в результате теоретической деятельности определенных людей – людей, обладавших определенными интеллектуальными и гражданскими качествами. Такими людьми явились основоположники научного коммунизма – Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Как неоднократно подчеркивал Ф. Энгельс, решающую роль в создании нового мировоззрения сыграл К. Маркс. Поэтому, говорил Ф. Энгельс, наша теория «по праву носит его имя» [43].

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 727.
2. См.: Там же. С. 383–385.
3. Там же. С. 470.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С.271.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 256.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 431.
7. Там же. С. 326.
8. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 472.
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 354.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.4. С. 431.

11. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 243.
12. Gille В. Recherches sur la formation de la grande entreprise capitaliste (1815–1848). Paris, 1959, p. 41.
13. Брюа Ж. История рабочего движения во Франции. Т. 1. От возникновения рабочего движения до восстания лионских ткачей. М., 1953. С. 193.
14. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 231.
15. Schroter А., Becker А. Die deutsche Maschinenbauindustrie in der industriellen Revolution. Berlin, 1962. S. 83.
16. Фонер Ф. История рабочего движения в США от колониальных времен до 80-х гг. XIX в. М., 1949. С. 69–70.
17. Левковский А. И. Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956. С. 52, 59; Хашимов И., Шапошникова Л. К истории рабочего движения в Индии. Ташкент, 1961. С. 9, 11.
18. Хашимов И., Шапошникова Л. Указ. соч. С. 11–12.
19. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 431.
20. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 437.
21. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 154.
22. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 439.
23. См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 432.
24. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 446.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 290.
26. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 154.
27. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 196.
28. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 459.
29. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 274.
30. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. С. 498–499.
31. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 91.
32. Петти У. Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 156.
33. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 246.

34. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 361.
35. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 58.
36. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 155.
37. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.21. С. 276.
38. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21, 22.
39. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 1. С. 175–176.
40. Там же. С. 202.
41. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 286.
42. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.
43. См.: Маркс К и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 301.